КРОКОДИЛ

ТОЛЬКО ВПЕРЕД!

Рисунок Ю. ЧЕРЕПАНОВА

М. ВИЛЕНСКИЙ

ПИСЬМО МАЛЬЧИКУ С ПЛАКАТИКОМ

Привет, Джонни, паренек из Оклахома-сити! Давненько написано это письмо — в далеком 1971 году. А теперь, в 1991-м, пентагоновская повестка, наверное, приказала тебе явиться на призывной пункт.

Извини, дружище, что называю тебя Джонни. Вполне возможно, что ты вовсе Майкл, Джозеф, а то и Уильям — тезка лейтенанта Уильяма Колли. Журнал «Тайм», опубликовавший 12 апреля 1971 года это фото, не удосужился назвать твое имя. Так что уж прости, если ошиблись.

Мы не просто так, Джонни, вспомнили лейтенанта Уильяма Колли. По странной прихоти твоих родителей твоя судьба сплелась с судьбой этого изверга. На снимке ты запечатлен в картузике с лихо заломленным козырьком и с плакатиком на груди: «Будут ли меня судить в 1991-м? Помогите Колли, чтобы помочь мне».

Не знаем, кто нацарапал эти слова на фанерке—мать или отец. За их поступки ты, конечно, не отвечаешь. Но они-то обязаны были отвечать за твою судьбу.

Чтобы ты не угодил на скамью подсудимых, Джонни, мы хотим рассказать тебе, что творилось в твоей стране в 1971 году.

Америка ощупью брела во тьме бездуховной пустыни, чавкая сапогами в кровавой жиже неправедной вьетнамской войны. Непрошеная и незваная, вломилась она в чужой и далекий дом. Велеречивые деятели, любившие поболтать про мораль, справедливость и права человека, растоптали во Вьетнаме и первое, и второе, и третье...

Если твоя матушка находила время не только для изготовления глупых плакатиков, то она, видимо, читала тебе детские стишки про Шалтая-Болтая, того, что сидел на стене и упал во сне. Помнишь, что было дальше: и вся королевская конница и вся королевская рать не могли поднять этого самого Шалтая-Болтая.

Так вот, парень, представь себе, что Шалтай-Болтай—это престиж твоей страны. Весь Пентагон со всеми его напалмами, шариковыми бомбами, дефолиантами и «тигровыми клетками» был не в состоянии поднять престиж Америки, ведшей разбойную, грязную войну. Солдафоны из каменной пятистенки, которые сегодня прислали тебе повестку, тогда, в пору твоего младенчества, оставляли за собой в Индокитае пустынные пепелища. Но возникала еще и другая мертвая зона — зона выжженных душ, которую оставлял за собой Пентагон в Америке. В эту зону угодила и твоя матушка, парень. Иначе зачем бы она стала выводить на куске фанеры такой опасный вздор — «Помогите Колли, чтобы помочь мне»? Да, видно, маху дал старик Моисей, не выбив на скрижали маленькое примечание к своим заповедям: «Не чти отца своего и мать свою, если говорят они тебе: «Убий неповинного».

Всерьез Колли нуждался тогда лишь в одном виде помощи — нужно было помочь ему поскорее сесть на электрический стул. Вместо этого президент подарил ему свободу.

Чудные вещи творились в твоей стране, мальчик!

Однажды в 1970-м по улицам Нью-Йорка прошла демонстрация половых извращенцев. Они требовали равноправия с нормальными людьми. Полицейские любезно улыбались. Естественно, обошлось без избитых и арестованных. Наркоманы, психопаты, насильники, извращенцы давно стали нормой американской жизни. Для сотен тысяч американцев дух марихуаны заменил духовную жизнь. «У нас пермиссивное общество»,— говорили буржуазные американские социологи. Пермиссивное значит «разрешительное». То есть общество, где все разрешено, все дозволено. Но почему же, когда на улицы выходили нормальные люди с наинормальнейшим требованием прекратить войну во Вьетнаме, воздух оглашался свистом дубинок, хрустом костей, шорохом волочащихся по мостовой ног арестованных? «У нас репрессивное общество», — объясняли другие философы. То пермиссивное, то репрессивное. Противоречие? Ничуть. В мире извращенных представлений о добре и зле все наоборот—дурное разрешалось, доброе подавлялось.

Больное общество физически репрессировало президента Джона Кеннеди. К заговорщикам, организаторам убийства отнеслись пермиссивно — их постарались не найти.

Застрелили Мартина Лютера Кинга—репрессия за руководство освободительной борьбой чернокожих американцев. Его убийце Рею судьи сказали: «Если действовал с сообщниками—электрический стул. Один—пожизненная тюрьма. Выбирай». Суд длился минуту. Рей выбрал жизнь. К заговорщикам подошли пермиссивно. Они остались на свободе.

Но если пермиссивно убивать своих национальных лидеров, то кто же станет репрессировать за убийство чужих людей, желтых по цвету кожи и красных по убеждениям?

И лейтенантик Уильям Колли по прозвищу «Рыжик» стрелял в женщин и детей.

У него, понимаешь ли, были плохие цифровые показатели. Его взвод отставал в соревновании с другими подразделениями. У тех была лучшая «трупная статистика». А Рыжик не хотел заниматься очковтирательством. Рыжик был честненький. Так его воспитали. В других подразделениях антенны на бронетранспортерах напоминали наколку для чеков в универмаге «Мэйси» вечером под рождество—почти доверху унизаны отрезанными ушами убитых вьетнамцев. У Колли же антенны болтались, как голый осенний ивняк на ветру. Капитан Медина в целях улучшения статистики велел стрелять «во все, что дышит». 102 человека из деревни Сонгми перестали дышать. Колли не забыл пристрелить из пистолета двухлетнего ребенка, который плакал в придорожной пыли. Он стоял приблизительно так же, Джонни, как ты на снимке из «Тайма», с той только разницей, что он не улыбался и не было на нем плакатика с призывом помогать Колли. В ту минуту Колли не нуждался в помощи. Он сам хорошо управлялся.

Когда вести о Сонгми выползли на газетные полосы, твоя страна, Джонни, разноголосо загомонила. Одни ужаснулись, другие полезли на рожон. Ура-патриоты вступились за Колли: «Во-первых, этого не было, а во-вторых, так им и надо». Хрипло взревела орда воинствующих шовинистов и дремучих мещан, свихнувшихся на почве антикоммунизма. Правда, сквозь их рев раздавались и кое-какие осмысленные силлогизмы типа «Почему только он, а не стоящие над ним капитаны, полковники, генералы и президенты?», «Мы ветераны войны, у каждого из нас за плечами свое Сонгми, но нас награждали, а не судили. Если мы герои, то и он герой. Если он убийца, то и мы преступники».

Кто-то засучил рукава, обнажив поросшие жестким волосом руки, где-то отметили повышение спроса на оптические прицелы. Возможно, кому-то привиделось 22 ноября 1963 года. 12 часов 43 минуты дня. Даллас. Перекресток Хьюстон-стрит и Эльм-стрит, семиэтажное морковного цвета здание книжного склада, сухие щелчки выстрелов, полузадушенный крик женщины, сменившей позднее фамилию на Онассис: «О нет, нет...»

Президент освободил Колли. Подошел с пермиссивных позиций.

Ах, Джонни, ты был тогда слишком мал, чтобы понимать смысл происшедшего! Ты бегал в своем жокейском картузике и, наверное, не понял толком, по какому такому поводу твоя матушка заливалась счастливым смехом и на радостях испекла праздничный яблочный пирог, изобразив на нем цветными кремами американский флаг.

Да что там мамин пирог!.. Ты бы видел, Джонни, что творилось на Капитолийском холме—конгрессмены и сенаторы, враз позабыв любимые цитатки из Шекспира и библии, в плотоядном восторге повскакали со своих мест. Наконец-то они объединились—либералы и консерваторы, ястребы и белые в кровавую крапинку голуби. Были забыты все межпартийные дрязги, свершилось трогательнейшее слияние на общей почве — на пропитанной кровью и закапанной серым мозговым веществом почве деревушки Сонгми. Слетели фиговые листки, упали на капитолийский паркет вконец измызганные хитоны цивилизации. Чуть не четверть Америки понеслась в непристойном, обезьяньем хороводе, припевая: «Бей желтых, бэби, жги красных, дарлинг!»

Но внезапно словно легкая тень пала на ликующую толпу. Нечто темное и пугающее, покачиваясь, нависло над головами. То выплыл из коллективной памяти огромный вопрос, чем-то напоминающий свитую из манильского каната петлю. Да, то был вопрос вопросов, всем силлогизмам силлогизм: «Так ли уж отличаются военные преступления нацистов, карой за которые стал приговор Нюрнбергского трибунала, от преступлений американской военщины во Вьетнаме? А если не столь уж отличаются, то почему же нет второго Нюрнбергского процесса? И почему за Хатынь, Орадур, Лидице вешали, а за Сонгми милуют?»

Теперь, в 1991 году, ты взрослый парень, Джонни. В руках у тебя пентагоновская повестка. Поразмысли, Джонни. История не президент. Она не помилует.

ЛАПУТЯНЕ ИЗ ЛОНДОНСКОЙ «ТАЙМС»

Одной из особенностей лапутян — жителей Лунного острова, как писал великий английский писатель-сатирик Джонатан Свифт, было то, что они вечно пребывали в тревоге. То они боялись, как бы Земля, непрестанно сближаясь с Солнцем, не была в конце концов поглощена им, то они трепетали от мысли, что когда-нибудь Солнце покроется коркой и больше не будет давать света...

Лапутяне были так напуганы вечным ожиданием всех этих и прочих невзгод, что даже не могли спокойно спать на своих кроватях и наслаждаться радостями жизни.

Очень похоже, что свифтовские лапутяне переселились теперь с Лунного острова на лондонскую Флит-стрит, в редакцию газеты «Таймс». Конечно, условия жизни у них теперь не те, что были на Лунном острове, не те и тревоги.

В последнее время предметом особых забот и тревог современных лапутян из «Таймс» стали дела космические. Не вообще, а успехи Советского Союза в космосе. На эту тему «Таймс» стала писать много и часто. К сожалению, допуская при этом, мягко говоря, много неточностей и всяческих описок. А если говорить напрямик, клан современных лапутян из газеты «Таймс» постоянно придумывает всяческие небылицы. То им кажется, что о русских космических лабораториях и кораблях дается мало информации, мало подробностей и деталей. То они жалуются, что их, лапутян, почему-то не приглашают на Байконур.

А 20 апреля лапутяне — редакторы «Таймс» в редакционной статье «Программа русских в космосе», можно сказать, переплюнули сами себя. Оказывается, русский луноход совсем не работает! А что касается регулярно публикуемой информации советских ученых (мало им, лапутянам, было информации, помните?) о продолжающихся исследованиях Луны при помощи аппаратуры лунохода, то это, мол, всего лишь сообщения, и верить им особенно не следует...

Статья произвела совершеннейшую сенсацию. В редакцию посыпались письма читателей. «Ну и «Таймс»! Ай да «Таймс»!» Одно из писем нам хочется привести полностью.

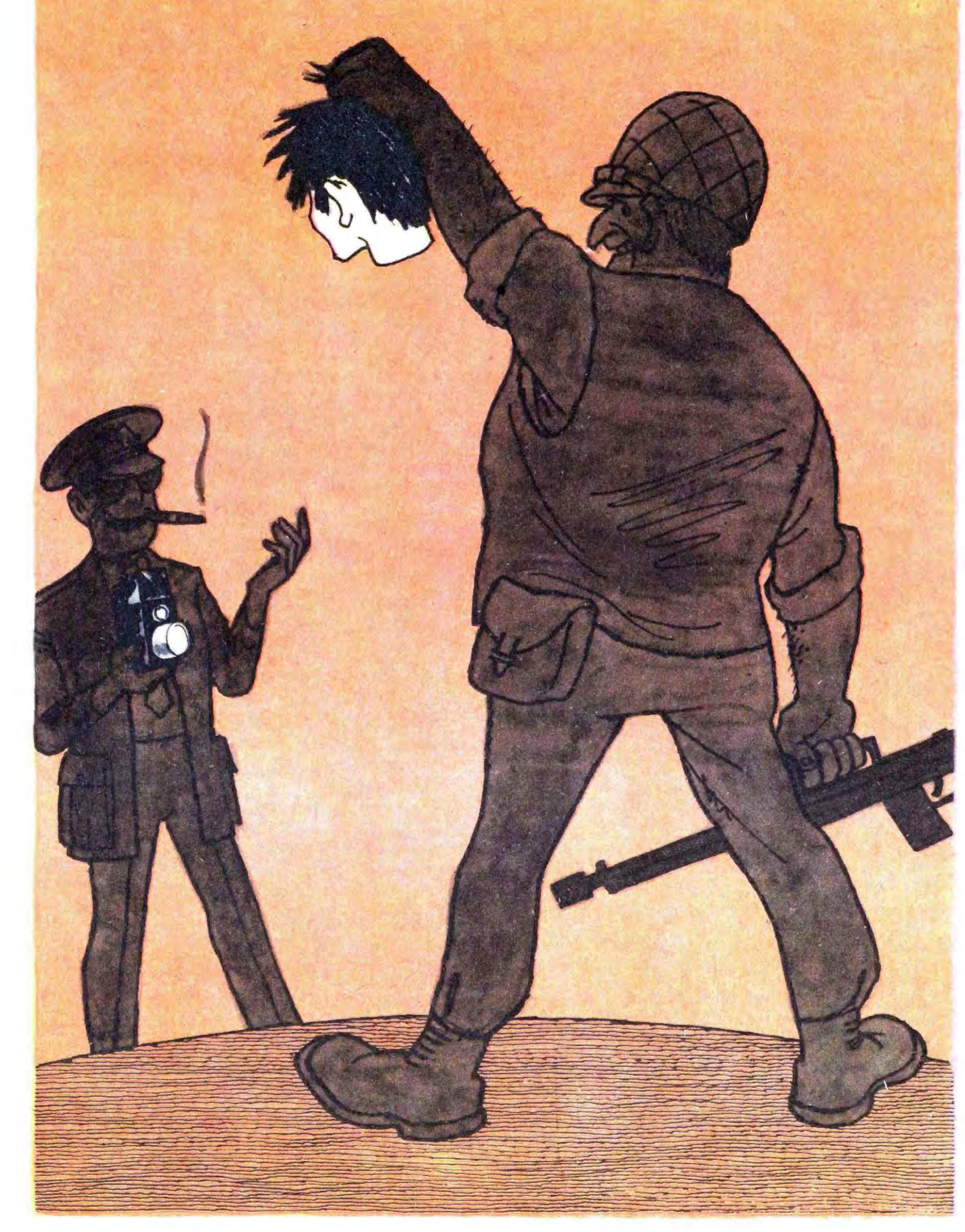
«Зачем «Таймс» понадобилось ставить под сомнение сообщения советских ученых о работе «лунохода»? — пишет директор обсерватории Джодрелл Бэнк профессор Бернард Ловелл.— Наша обсерватория все пять месяцев после прилунения «лунохода» принимает его сигналы. Это свидетельствует о том, что замечательное советское устройство «луноход» по-прежнему работает и управляется с территории Советского Союза».

Вряд ли нужен особый комментарий. Перефразируя известную восточную пословицу, можно сказать: «Таймс» лает, а луноход идет своей дорогой...

И еще одно — специально для лапутян—редакторов «Таймс». У Свифта есть сатирическое произведение под названием «Опыт об английских мыльных пузырях». Как справедливо отмечает в нем автор, главная особенность любого мыльного пузыря состоит в том, что он лопается. Причем столь же быстро, сколь выдувается. В прямой пропорции, так сказать.

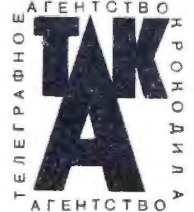
«Таймс» выдула очередной мыльный пузырь. И он, конечно, лопнул. По всем законам физики. И в полном соответствии с выводами великого английского сатирика.

Ю. АЙЗМАН

— Выше голову, парень!

Рисунок Е. ГУРОВА

ЧИКАГО. На одной из центральных площадей города состоялась несколько необычная церемония — вторичное открытие памятника, поставленного еще в прошлом веке. Речь идет о пятиметровом монументе, изображающем... полицейского. Много лет назад памятник был воздвигнут «отцами города» в знак признательности полицейским за кровавое подавление исторической майской стачки 1886 года. Недавно фигура полицейского была сильно повреждена в результате взрывов, организованных неизвестными. Выступая на открытии восстановленного монумента, мэр города Ричард Дейли назвал скульптуру «великим символом Чикаго», добавив при этом, что у памятника полицейскому устанавливается круглосуточный полицейский пост. Видимо, во избежание третьего открытия...

БЕРН. Одна из швейцарских фирм граммофонных пластинок выпустила такую рекламу: «На нашей пластинке вы можете услышать известное произведение Иоганна Себастьяна Баха «Приди, сладкая смерть» в исполнении хора цюрихских врачей». Надо полагать, художественный уровень исполнения достаточно высок...

РИМ. В Италии существует около 46 тысяч никому не нужных организаций. Среди них — «Отдел реабилитации и компенсации ущерба людям, которые понесли убытки во время восстаний в 1848—1849 годах и во время освобождения Сицилии в 1860 году», «Институт Почетной гвардии для дежурства у королевских могил в Пантеоне» и т. д. Однако, по справедливости, этот список следовало бы начать с учреждений НАТО, возглавляемых синьором Манлио Брозио, генеральным секретарем совершенно ненужного Италии военного блока.

Е. МАТВЕЕВ, специальный корреспондент Крокодила

ОХ, ДА ВЫГОНЯЛА Я СКОТИНУ...

Одно хозяйство было. Совхоз. «Врачево — Горки» назывался. Через тире. Один паром в том хозяйстве имелся. Через реку. И через всю эту географию развраждовались два хозяйственника. Недавно. Вдруг. Вдрызг.

Оба они в этом хозяйстве работали. Один, имея фамилию Бугаев, состоял в должности главного зоотехника, а другой, с фамилией Мелихов, в должности директора над ним состоял. И что еще интересно: оба хозяйственными мужиками слыли.

И вот однажды случилось решение о разукрупнении совхоза «Врачево — Горки» для дальнейшего, само собой, развития животноводства. Раздробить совхоз решили, разделить, размежевать... Надвое, одним словом. Два совхоза сделать, и чтоб одним верховодил бы Мелихов, а другим — Бугаев.

Но жизнь, она уж сроду такова, что по-настоящему безболезненно в ней размежевываются одни только амебы. Да и то неизвестно, так ли это.

В общем, получилось неважно. Уж как, казалось бы, легко можно было поделить название. «Врачево» одному отпочкованному совхозу отдать, «Горки» другому, а тире выбросить... Но нет, даже и тут трудности возникли, разнотолки, кривотолки... И в результате одному совхозу целиком досталось прежнее «Врачево — Горки», а другому — всего лишь «Полянки». «Врачево — Горки» — хозяйству Бугаева, всего лишь «Полянки» — хозяйству Мелихова.

И такой результат по-человечески ущемил самолюбие директора Мелихова, затаившего на нового коллегу естественную обиду.

Таить обиду пришлось недолго. Как человеку более опытному, директору Мелихову поручили подготовить проект раздела угодий. Вот он взял да и не дал директору Бугаеву заливных лугов.

А директор Бугаев взял да и доказал, что и он не без характера. Взял да и подал куда надо жалобу и луга эти заливные для своей скотины в конечном счете выконфликтовал.

Вот и возникла у них на этой почве взаимная нелюбовь, которая окончательно размежевала их точки зрения на раздел хозяйства. Теперь они судили-рядили каждый строго со своей колокольни.

Пополам делилось очень не все.

Особенно паром.

Имелось, правда, мнение провести вдоль него пограничную черту, протянуть через реку два каната, и пусть каждая противная сторона, стоя на своей части парома, тянет канат. Каждая к себе.

Однако этого мнения не придержались. Сложноватый был способ, да еще на слишком грубой физической силе базировавшийся. Того и гляди, кто-нибудь выйдет за рамки чего-нибудь... А это глупо, особенно на воде.

Имелось и другое мнение. Честно распилить паром пополам, канат пополам перерезать, и баста.

Но и этого мнения не придержались. Хоть и прост был способ, но нерентабелен. Бесхозяйственный просто.

Сошлись на том, что ответственность поделили. Директор Мелихов отныне за паром отвечал, директор Бугаев — за причалы к парому. А паромщики посменно на реке дежурят: то ставленник Мелихова, то Бугаева.

Попробовали — ничего: безобидно паром поперек реки курсирует...

А потом вдруг врывается однажды бугаевский паромщик в свою контору и каламбурит там не своим голосом.

— От реки я отрекуся! — кричит попусту. Оттого попусту, что в конторе, ввиду только что состоявшегося рассвета, никого еще толком и нету, одна уборщица налицо.

Уборщица так уборщица. Он к ней, и ну облегчать душу, ну выражать свой гнев в адрес чужого директора!..

— Ну и ну! — удивляется уборщица.

Конечно. Такую чертовщину услышала: как директор Мелихов приказал отныне перевозить на пароме исключительно свои грузовики. А там бугаевские за сеном приехали. И бугаевский паромщик решительно стал в тупик: пускать грузовики на паром или не пускать? С одной стороны, грузовики своего совхоза, с другой стороны, приказ хозяина парома, которому лично он обязан подчиниться... Стал он это в тупик, и сначала — ничего, а потом — раздвоение личности вышло...

Когда же к берегу примчался директор Бугаев, паромщик там был уже совсем другой, а картина еще более та же: теперь еще и доярки недопустимо сидели на берегу, а паромщик, вместо того чтобы перевозить их к стаду, не дул на середине речки в ус. Пел о животноводстве:

> Ох, да выгоняла я скотину! Ох! Ох!
> Выгоняла я скотину во широкую долину
> Пасть...

Плохо пел. На другом берегу дурно ревела недоеная скотина.

— Хорошо ж! — многообещающе откликнулся на это директор Бугаев и уехал давать ответное распоряжение. И в ответ бугаевцы злорадно не отремонтировали паромные причалы.

После этого интересные события поразворачивались немного и в личном плане, где директор Мелихов сумел очень удачно насолить неприятелю. После раздела дом Бугаева оказался на мелиховской территории, и директор Мелихов великолепно этим воспользовался. Во-первых, он выдворил вон и навсегда бугаевский «газик», который тот имел привычку оставлять возле дома, а во-вторых, запретил продавать семейству Бугаева его, мелиховское молоко.

Конечно же, директор Бугаев опять в долгу не остался. Но он не унизился до перехода на личности, а достойно показал фигу мелиховским машинам, вздумавшим отремонтироваться в мастерских на его, бугаевской территории.

Опять подошла очередь директора Мелихова. Думал он, думал, в какой бы теперь форме подкузьмить соседа со своей стороны, и так затугодумничался, что противнику наскучило ждать, и он сделал внеочередной шаг. Он вообще открыто пошел на «вы». Наверняка проинструктированный Бугаевым люд под прикрытием очень крупного рогатого скота вторгся на вражескую территорию, принеся убытки и посеяв там сначала панику, а потом и гроздья ответного гнева.

— Я тебе покажу кузькину мать! — «тыкнул» в последний раз директор Мелихов, переходя теперь на иронически-дипломатически-категорическое «вы».

«Примите меры,— кольнул он ультиматумом,— исключающие потраву и расхищение овощей вашим скотом и распущенными рабочими!»

Ультиматум он через парламентера вручил. После чего неприятели принялись уничтожающе не замечать друг друга, ведя, если что, переговоры через своих парторгов.

Вот-вот взвоют по-настоящему.

Но тут вовремя райком вмешался. Прислал своего представителя с наказом воцарить мир любой ценой.

— Плюньте вы на это дело, товарищи,— не постоял за ценой представитель,— и давайте кончим миром.

Но мира не получилось. Директор Бугаев мириться соглашался только просто так, без присутствия директора Мелихова. Директора Мелихова не отыскали вовсе, а его заместитель на такой ответственный шаг не решился.

— Тьфу! — посуровел представитель.— Если опять что не поделите, вся ответственность на вас обоих падет. Одна, но двойная будет!

Это подействовало. Это принапугало. От этого обе стороны единодушно прекратили активные боевые действия и замкнулись восвояси. Даже на переправе — никакой напряженности. Бугаевские грузовики, отправляясь за сеном в отвоеванные когда-то заливные луга, едут теперь от греха подальше — в двадцати километрах, еще один паром есть и, к счастью, совсем беспризорный: пользуется им кто попало.

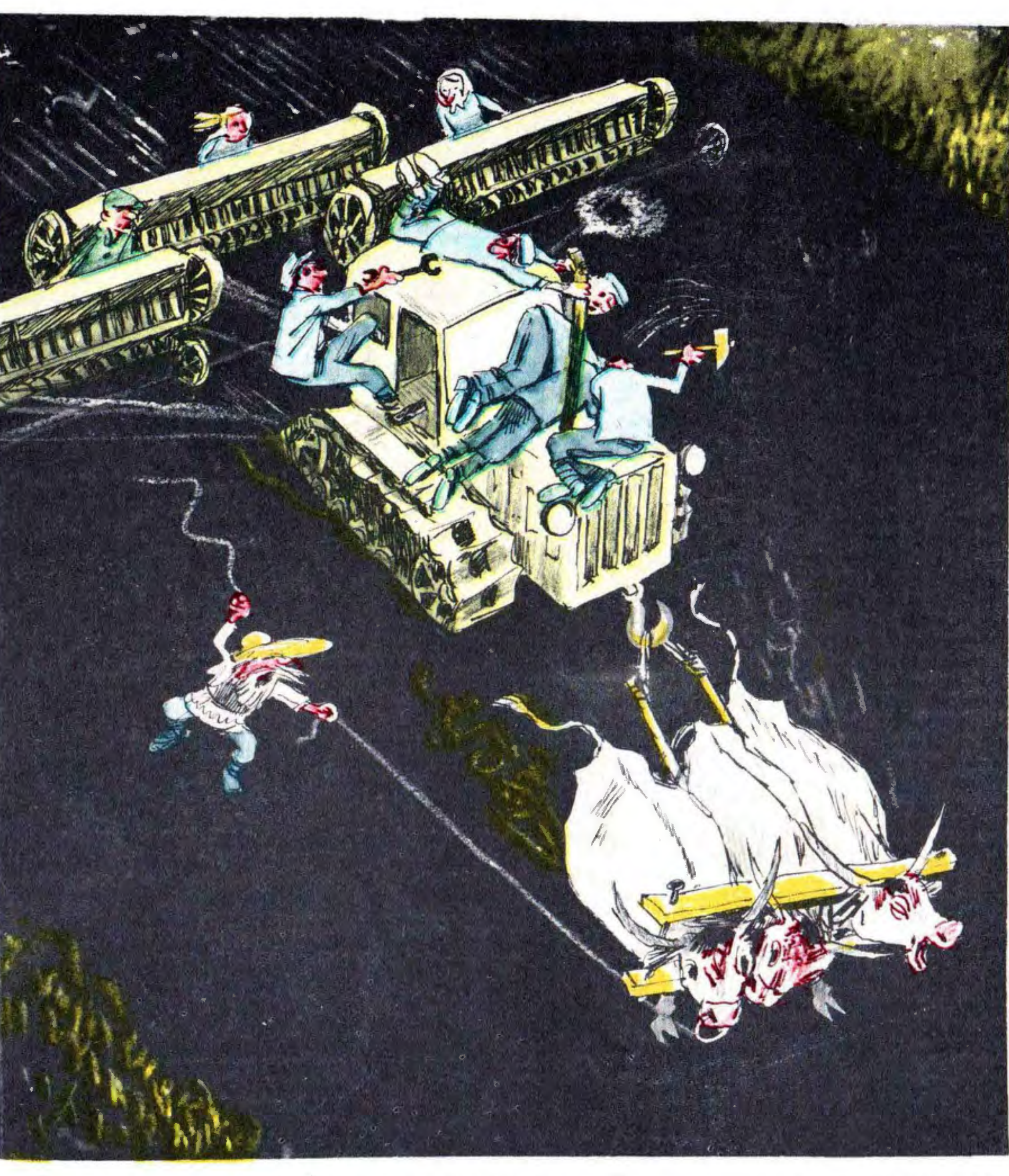
Конечно, эти восемьдесят километров в общем-то для совхозных машин ни к селу ни к городу. Но не гонять же туда рогатый и пока еще крупный скот своим ходом.

И на строительстве газораспределительной станции не схватываются в шуме. Газ в оба совхоза должен пойти, и оба совхоза должны дать рабочих на строительство. И оба дружно не дают. И от этого тоже получается тишь. И вроде бы даже гладь.

Но только это еще бабушка надвое сказала.

Луховицкий район,
Московской области.

— Ремонтируем на ходу, без отрыва от полевых работ.

Рисунок А. ЦВЕТКОВА

Мих. РАСКАТОВ

ДИАГНОЗ

Не было такого или было,
А глядишь — вполне могло и быть.

...Коровенка хилая почила.
Проявив усердие и прыть,
Собрались солидные светила,
Дабы факт научно осветить.

Первый был суров и озабочен:
— В целом далеко не прост вопрос.
У покойной зрели камни почек
Плюс невроз и кардиосклероз...

Разъяснил второй фундаментально,
Оттирая первого плечом:
— Да, болезнь закончилась летально.
Но склероз тут вовсе ни при чем.

Все симптомы видя не впервые,
Опыт мой железно говорит:
— Здесь имела место невралгия,
А вернее — люмбоишалгия,
А скорее — плевропневмония,
А точнее — гастроэнтерит!

Третий заявил:
— О, как вы серы!
Жить буренка дальше не могла:
У нее психическая сфера
Крайне неустойчива была.

Робко билось нежное сердечко,
А потом — чего таить греха? —
Жизнь ее угасла, словно свечка,
После грубых криков пастуха!

Тетя Дуня слушала в сторонке...
— Может, факт не моего ума,
Только ведь скончалася буренка
Потому, что кончились корма!

Потускнели местные светила,
Посмотрели на коровий хвост:
— М-да... Возможно, так оно и было...
Вы, гражданка, крупный диагност.

С. РЫЖАК,
специальный корреспондент Крокодила

ПОДКИДЫШИ

Был месяц май, когда Катерина, окончив сельхозинститут, приехала в свой колхоз. Председатель колхоза принял потомственную доярку с подчеркнутой уважительностью. Вышел из-за стола, усадил ее на диванчик, сел рядом, весело пошутил.

— Вот пришла, Иван Васильевич, поблагодарить вас и правление за заботу, за образование,— опустив глаза, сказала Катерина.— Большое спасибо вам и всем колхозникам...

— Это тебе, милая, спасибо. Учили одну, а получили двух. Казак-девка! И институт окончила, и замуж вышла, и мужа-агронома в деревню привезла. Получается, что колхоз дуплетом двух зайцев бабахнул.

— Он не Зайцев, Иван Васильевич, он Уткин. И я теперь Уткина. Только он, знаете, на Украину распределен, значит, и мне с ним...

— Как это на Украину?! — вскипел Иван Васильевич и пересел с диванчика за письменный стол.— А наш колхоз как же? Ты что?

— Так ведь Украина не чужбина. Одно государство,— тихо заметила Катерина.— И по закону так положено. Я ж в колхоз еду. И сердцу не прикажешь: муж он мне, Уткин-то...

— А денежки? Ты на наши кровные колхозные средства образование получила, а теперь в кусты? Так дело не пойдет. Вот считай.— И председатель с грохотом подвинул к себе конторские счеты.— Стипендия — 40 рублей в месяц, по праздникам обязательно гостинцы — мы люди не бедные — на круг пятьдесят рублей. В год шестьсот целковых. За все время обучения, почитай, три тысячи наберется. А с кого теперь эти деньги взять: с Зайцева твоего или с Украины? А? Так вот с тебя и возьму, копейка в копейку. Это — дело подсудное. До самого верха дойду, а своего добьюсь.

И разгневанный Иван Васильевич начал было своего добиваться. Но, разумеется, ничего не добился и махнул рукой.

Эту подлинную историю мне рассказали в Министерстве сельского хозяйства, не назвав настоящих имен ее героев.

Но что-то меня смутило в этой правдивой истории: может, есть и такие колхозные стипендиаты, которые не возвращаются в колхозы по менее уважительной причине? Ну, скажем, ищут в городах непыльную работу. Чтобы не думать и гадать, я пошел к Большому театру, сел на двойной с гармошкой «Икарус» № 87 и через двадцать пять минут оказался перед импозантным зданием с каменными чашами, увитыми виноградной лозой, в которых ловко прятались розовые купидоны. Это была ВТСХА — Тимирязевка.

— Таких случаев, чтобы колхозные стипендиаты не возвращались в свои колхозы, не припомню,— сказал мне декан экономического факультета профессор А. Г. Шманов.— Только разве если замуж выйдет. Но есть, знаете ли, другая тема, даже, если хотите, проблема. Существуют, видите ли, такие колхозы и совхозы, которые не выполняют своих обязательств перед академией и своими питомцами. Вот вам типичный пример. Учится у нас Жанна Джуматова, студентка четвертого курса, совхозная стипендиатка. Прилежно учится и специалистом будет толковым. Да... Так вот. в один прекрасный майский день прошлого года Жанна получает сообщение из своего совхоза имени Ленина, Ногайского района Дагестана, что совхоз с сего числа от нее отказывается, платить стипендию не будет и свое обязательство перед академией аннулирует. Радостное письмецо, как считаете? И при этом никаких доводов: хочу с кашей ем, хочу масло пахтаю. Целый год академия вызывала на объяснение директора совхоза У. Темирбулатова, писала министрам сельского хозяйства и финансов республики — ни ответа, ни привета.

— А как же Жанна?

— Жанне, разумеется, тяжело и горько. Родители помочь не могут: семья — девять душ. У академии на колхозных стипендиатов фонда нет. В беде, конечно, ее не оставляем. Выучим, выпустим, распределим — все будет хорошо. Но как быть с этим дремучим безразличием к судьбе будущего молодого специалиста? Если б хоть один случай такой был, а то ведь их десятки.

Иду на зоотехнический факультет. Декан факультета кипит от возмущения:

— Что ж это такое? От людей отказываются, как от котят! Вот, читайте! — И показывает мне кипу студенческих дел.

Беру первое попавшееся.

Студент второго курса Ахмед Тагиров был направлен в академию совхозом «Улан Эргинский», Яшнульского района, Калмыцкой АССР. И вот как-то в мае академия получает уведомление, что стипендию Тагирову совхоз платить не желает. Объяснений опять же никаких. И удивительней всего то, что и обязательство платить стипендию и отказ от ее выплаты подписаны одним и тем же лицом — директором совхоза В. Т. Дживаловым.

Что кроется за подобными отказами, судить трудно. По мнению искушенных деканов, тут действует главным образом система «подкидышей»: пусть, дескать, только поступит, а там институт сам его доведет, если студент толковый. А нам экономия...

Но, может быть, только в Тимирязевке оказалось так много беспризорных студентов среди колхозных и совхозных стипендиатов?

— Увы, такое же положение во многих сельскохозяйственных институтах страны,— отвечает заместитель начальника Главного управления высшего и среднего сельскохозяйственного образования МСХ СССР Г. С. Груздев.

— Георгий Сергеевич, несут ли колхозы и совхозы какую-либо ответственность при отказе от своих обязательств?

— Главным образом моральную. Иногда институтам удается воздействовать на колхозы и совхозы через советские и партийные органы. Нужны, по-видимому, какие-то другие пути.

Один мой знакомый финансист оценил положение вещей так: «В обращении с рублем требуются закон, ясность и твердость. Думается, в данном случае надо, чтобы колхозы и совхозы брали свои обязательства перед институтами через банк на весь период обучения стипендиата. Тогда перечисление будет производиться со счетов депонентов. И все».

...Цветет месяц май. Скоро экзаменационная сессия — пора студенческих волнений. Но вдвое больше волнений у колхозных и совхозных стипендиатов, которые вовсе не хотят оказаться «подкидышами».

Д. ЕПИФАНОВ

За критику не благодарят

Рассказ

Вызываю его для беседы.

Приходит.

Садится. Глаз не поднимает. Хмурится.

А я посмеиваюсь:

— Сознайтесь, Дмитрий Иванович, после вчерашнего бюро подумали вы, будто начну я вас притеснять. А? Прижимать вас. Изживать. А? Подумали?

— От вас,— говорит,— всего можно ожидать. Только выжить меня, как вы сделали с вашим заместителем и главбухом, не удастся.

Горячий! Люблю горячих! Легко с ними работать.

— Дмитрий Иванович,— говорю,— голубчик, зачем же так мрачно. У нас в тресте любят поговорить. Знаю. Говорят и про заместителя с главбухом. Тоже знаю. Будто выжил я их. И будто за критику. Ерунда! Критиковал меня главбух. Ну и что? И я его критиковал. Все мы друг друга критикуем. А как же! На том стояли и стоять будем. Но интересы дела потребовали укрепить опытным счетным работником периферийное предприятие. Не что-нибудь, а интересы дела! А как бы вы поступили на моем месте? Говорят, избавился от заместителя. А его, между прочим, в главк перевели. Отозвали. Его повысили! А? И вам я, честно скажу, от души благодарен. За науку. За критику. И за то, что письмо в горком написали. Да, да, да! И за это. Раз не сумел сделать правильных выводов из критики, получай выговор. А как же!

Смотрит на меня мой Дмитрий Иванович, и вижу: не совсем верит. Сомневается. Но отчасти все-таки верит. Хорошая у нас молодежь!

— Но не затем,— говорю,— пригласил я вас, Дмитрий Иванович, чтобы изливаться в чувствах и благодарить. За критику не благодарят. Ее приемлют и исправляются. Правильно! Пригласил я тебя вот для чего. Живешь ты с женой на частной квартире. Знаю. И что пополнения ждешь — и об этом знаю. Квартира нужна. Есть квартира. Занимай. Держал для нового заместителя, да уж ладно... Получай ордер!

Вижу, Дмитрий Иванович медленно заливается густой краской. То есть смущен парень беспредельно. И берет ордер и вроде не берет. Бормочет: дескать, неудобно как-то, дескать, возможно, есть более нуждающиеся. И не велика ли квартира для его семьи?

— С перспективой,— говорю,— надо жить, молодой человек! Так учат нас руководители главка. И еще чему они учат? Они учат заботиться о молодых специалистах. На том стояли и стоять будем!

Несколько дней, вижу, парень ходит сам не свой от радости. Сияет.

Я, конечно, жду. Терпения хватает. К концу недели, замечаю, помрачнел, осунулся, нос заострился и на меня не смотрит.

Хорошая она у нас, молодежь. Открытая. Вся на виду. Легко с ней работать...

...Откровенно говоря, я от него ждал большего. Был уверен, придет он ко мне сразу, как только узнает, что включен в список премированных. А он появился лишь после того, как истратил премию.

Дело известное: квартира большая, не так-то просто ее обставить. На его-то жалованье! При неработающей жене!

Пришел в запальчивости. Лицо красными пятнами, пальцы дрожат.

— Премия,— кричит,— это неправильно! Мне сегодня сказали... Почему только мне из всего нашего отдела? Я, конечно, ее верну, но у меня сейчас нет. И квартира... По учреждению столько разговоров! Все против!

— Радоваться,— говорю,— надо, а не нервничать. И сам же вот намекаешь: денег не хватает...

Он даже задохнулся:

— Кто намекает? Я... вы...

Выскочил и хлопнул дверью.

Горячая наша молодежь. Огонь! Пламя! Работать с ней — одно удовольствие.

На отчетном партийном собрании он, конечно, выступил. Горячился, однако, сверх всякой меры. И только он заикнулся, что-де квартиру вернет, стоит лишь найти ему частный угол, и премию вернет, стоит хотя бы немного выйти из материальных затруднений, как из зала закричали:

— Председательствующий, регламент! А вы, уважаемый молодой специалист, не считайте других дураками! Вас, Мазин, насквозь видно!

На другой день пришел ко мне Мазин. Кусает ногти. Кладет на стол заявление. Просит уволить.

— А как же с квартирой? — спрашиваю. — Ее придется освободить. Она ведомственная.

— Освобожу. И премию верну.

Вздыхаю. Потому что тяжело.

— Чего,— спрашиваю,— не работать-то было? А? Поддерживал, поощрял. Помогал. И что снова обо мне скажут? А? Дмитрий Иванович? Скажут: выжил. За критику. А?

Отворачивается. Только желваки играют.

Молодежь. Горячие люди. Пламя. А работать с ними легко...

г. Благовещенск.

— Это Настасья Павловна повесила объявление, что желает поступить в семью няней...

Рисунок И. СЕМЕНОВА

А. СУКОНЦЕВ

На чужом стуле

Некоторое время назад Н. И. Зеленков пришел к твердому убеждению, что среди его современников встречается немало мошенников, стяжателей и зажимщиков критики.

Честных же и принципиальных тружеников буквально топчут ногами.

К первой категории лиц Николай Иванович отнес свою бывшую руководительницу. Назовем ее Татьяной Федоровной. А также своего нынешнего руководителя. Ну, скажем, Сергея Петровича.

Вторую группу соотечественников Н. И. Зеленков охотно брался представлять сам лично. Почти без посторонней помощи.

Как же он до этого дошел? А вот как. Однажды кто-то по секрету рассказал Петру Петровичу, что Татьяна Федоровна увезла три казенных доски на свою личную дачу. Это один факт. А вот и другой. Со слов другого информатора ему, Николаю Ивановичу, стало известно, что и Сергей Петрович пошел по стопам Татьяны Федоровны и списал какую-то картину как негодную, хотя картина эта представляет материальную ценность и вполне еще могла висеть на стене и украшать коридор.

Когда же принципиальный Николай Иванович стал сигнализировать, его едва не уволили.

Сию печальную летопись событий, имевших место в Пушкинском районе, Н. И. Зеленков и прислал в редакцию.

Мы попросили Пушкинский горком партии разобраться в случившемся.

Ответ горкома нас озадачил. И не столько тем, что, как оказалось, факты, описанные Н. И. Зеленковым, при проверке не подтвердились. Это бывает. Возможно, информаторы, пересказывая Петру Петровичу историю с досками и картиной, что-то перепутали. Или сам Петр Петрович не так понял их.

Озадачило нас письмо горкома тем, что оно было посвящено самому Николаю Ивановичу Зеленкову. А сказано было о нем буквально следующее: что специалист он «крайне низкой квалификации», «игнорирует справедливые замечания администрации», «часто не является на производственные совещания без уважительных причин. За пять лет получил свыше двадцати выговоров за халатное отношение к работе и грубые нарушения трудовой дисциплины».

Двадцать выговоров за пять лет — может, и не всесоюзный рекорд, но тем не менее достижение вполне серьезное. Я решил познакомиться с Николаем Ивановичем.

— Детский лепет,— высказался Николай Иванович по поводу ответа горкома.

— Вы хотите сказать, что вы с ним не согласны?

— Почти полностью выдумки.

— Выговоров не было?

— За всякую ерунду приказ лепят.

— На производственные совещания ходите?

— А что мне там делать? Придешь, а тебя только и ругают: то не так, другое не эдак.

— Ну, а вот о крайне низкой квалификации что вы скажете?

— Другие, может, еще хуже меня.

Тогда я задал Николаю Ивановичу еще один, не очень тактичный вопрос:

— Письмо в редакцию вы написали с ошибками. В том числе и с грамматическими. Как же так? Вы же учитель. У вас высшее образование.

— Какой я учитель? Я урокодатчик. Так они меня окрестили.

— Что же вы думаете делать дальше?

— Буду сигнализировать выше. Материальные ценности гибнут же... Доски. Картины.

Я слушал Николая Ивановича и думал о тех ценностях, которые по чьему-то недосмотру доверены ему. Только потому, что он закончил пединститут и сдал все необходимые экзамены. Николай Иванович по образованию — историк. Его бросали то на физкультуру, то на физику, а прок был везде одинаковый.

Одно время Зеленков, видно, и сам почувствовал, что в школе он случайный человек. Он ушел и несколько лет работал в поездной бригаде.

Зачем-то вернулся снова. Зачем?

Гражданке Н. Д. Поповой были доверены жизнь и здоровье домашних животных. А в конечном счете жизнь и здоровье людей, поскольку Попова работала заведующей Ясеневской мясо-молочной станцией. Прежде чем сельхозпродукты везти на рынок, необходимо произвести тщательную ветсанэкспертизу. Попова как ветеринарный врач прекрасно это знала, но тем не менее элементарный и совершенно необходимый порядок игнорировала.

Чтобы уберечь животных от болезней, им делают профилактические прививки. Не надо быть дипломированным ветспециалистом, чтобы знать, для чего нужны прививки. Попова — дипломированный специалист, но она наплевала на этот порядок. В результате на станции погибло много птицы.

Если люди обращаются к ветеринарному врачу с просьбой оказать помощь больным животным, это вовсе не значит, что ветеринарный врач должен гнать людей от себя, словно надоедливых мух, используя при этом выражения, которым наверняка не учат в зооветеринарном институте.

И поскольку никакие меры административного воздействия и строгие увещевания товарищеского суда на Попову не действовали, Антрацитовская ветстанция решила от услуг ветврача Поповой отказаться.

Что же Попова? Она забрала штамп и печать, села в поезд и поехала в столицу жаловаться на «зажимщиков критики» и «своевольников». И жаловалась на начальника ветстанции... три месяца.

Скажите, а чем провинился этот терпеливый начальник ветстанции?

В Брянской конторе «Приокскстройснабсбыта» вот уже несколько лет идет настоящая баталия. Коллектив конторы все эти годы безуспешно пытался перевоспитать В. А. Колесникова. Занимая должность инженера, Колесников игнорировал распоряжения руководства. Служебные свои обязанности исполнял хуже некуда. Прогуливал, появлялся в конторе пьяным.

Нерадивому инженеру объявляли выговор. Строгий выговор. Общее собрание строго предупредило его, чтобы он перестал сутяжничать, а занялся своими служебными делами.

Давно было сказано: должность исполнять должно. Колесников решил, что сказано это не про него, и который год стучится во все инстанции, жалуется на управляющего конторой.

За что? Только за то, что тот так долго и терпеливо пытался заставить Колесникова исполнять свою должность так, как это положено. Имея в виду, что каждое определенное лицо обязано выполнять определенную работу.

А не много ли мы нянчимся с такими людьми, как Колесников, дорогие товарищи? Нет, я не призываю рубить сплеча, особенно в таких сложных вопросах, как кадровые. Но когда все убеждаются, что человек не по праву занимает чужое место, конечно же, нужно решительно и без промедления выдворить его.

Для его же пользы. А главное — для пользы нашего общего дела.

— Я теперь несу общественную нагрузку.

Рисунок Б. САВКОВА

— Говорят, у него большие связи.

Рисунок В. ЖАРИНОВА

— Вот мои мемуары.

Рисунок Д. АГАЕВА

— На вид не наглядишься,

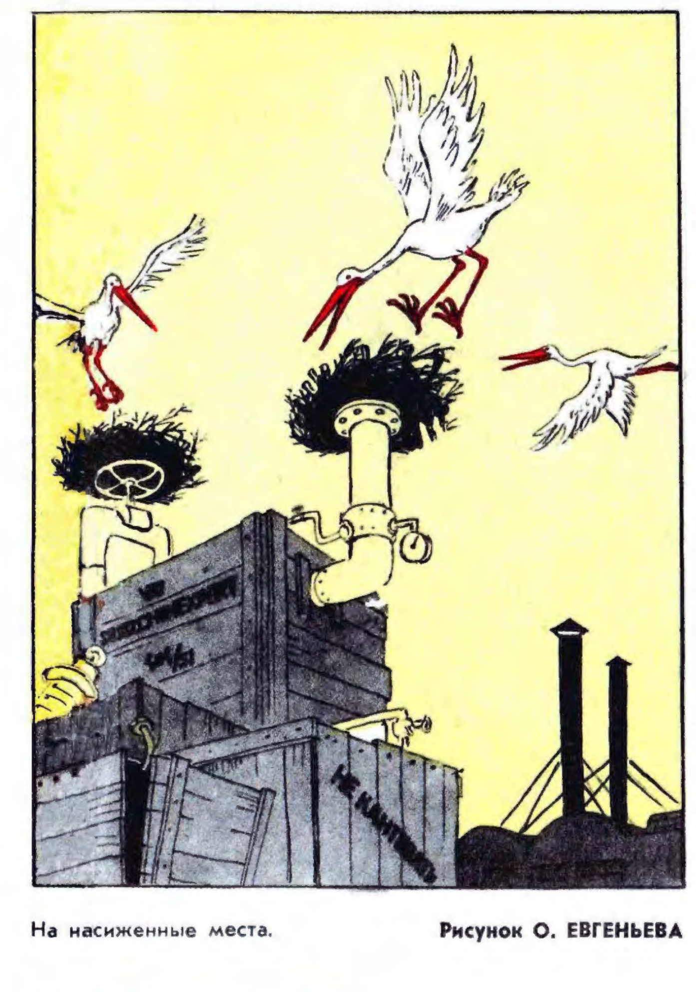
а на звук не наслушаешься.

Рисунок Ю. УЗБЯКОВА

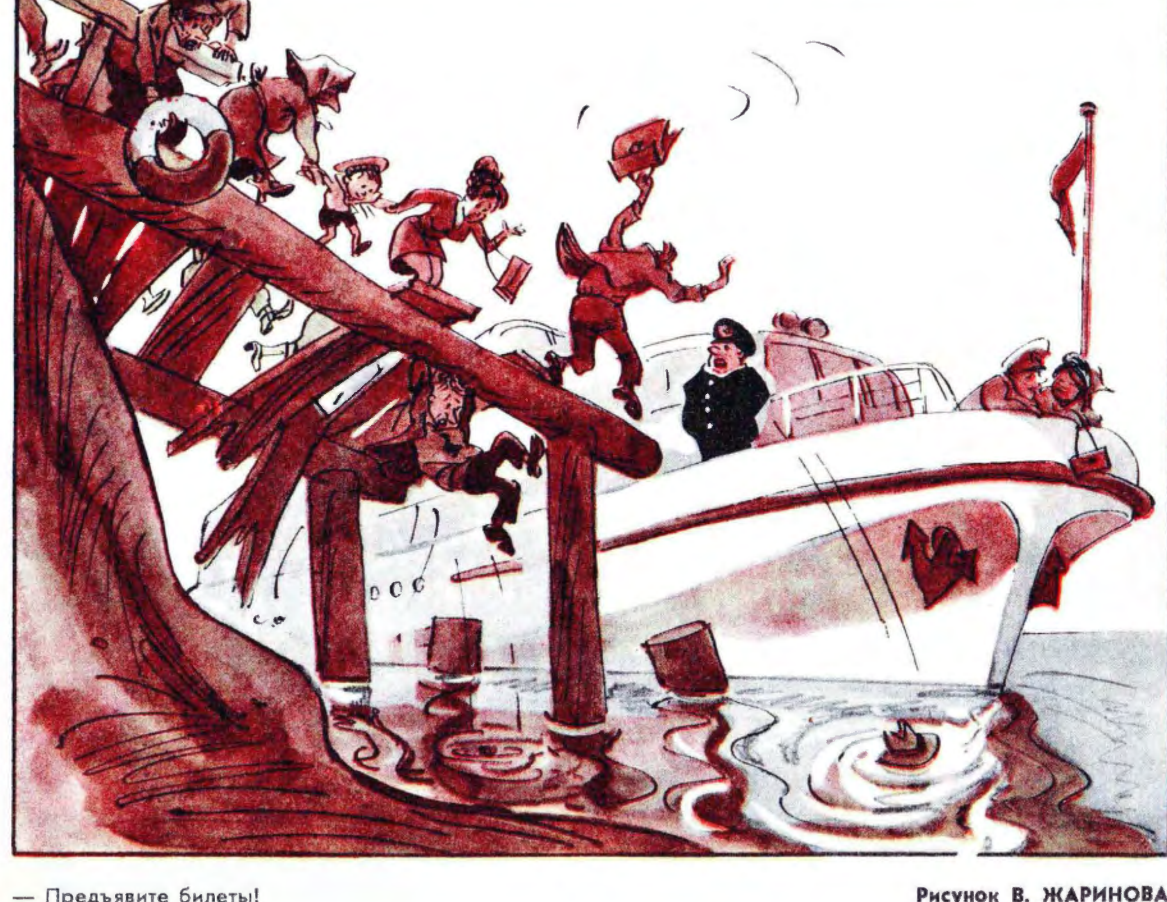
— Прикидываю, во что обойдется ремонт.

Рисунок В. ШКАРБАНА

На насиженные места.

Рисунок О. ЕВГЕНЬЕВА

— Предъявите билеты!

Рисунок В. ЖАРИНОВА

ВИЛЫ В БОК!

РЕЦИДИВ

Грешным делом, думалось мне, что понятие «простыня», некогда утвердившееся в канцелярском обиходе, давно уже вернулось к своему обычному постельно-бельевому назначению.

И впрямь, сколько уж клеймили фельетонисты цифроугодников — любителей досужей статистики! Вроде бы пора и вылечиться от этой хвори.

Но какая серьезная болезнь обходится без рецидива? Об этом напомнил неизвестный доброхот, приславший из Новосибирска бандероль, объемистую и примечательную.

Когда ее вскрыли, оттуда выползли, прошелестев, одна простынка и одна наволочка. Простынка именуется «Справка о ходе общественного смотра экономии и бережливости» и скромно содержит шестнадцать вопросов, каждый из которых разделен на двенадцать граф. Это уже бедствие, но еще не стихийное. Заполнять «Справку» надо лишь раз в квартал. С наволочкой похуже. Она хоть задает лишь тринадцать вопросов (по пять граф) о ходе смотра «Рабочей минуте пятилетки — строгий счет», но зато требует ответа на них ежемесячно. Причем соблазняет не только на целые числа, но и на дроби. Примечание к таблице пугающе гласит: «Данные за отчетный месяц представлять в числителе, а нарастающий итог с начала смотра в знаменателе».

Счет действительно строгий. Попробуй-ка учти хотя бы то, сколько проведено фотографий и самофотографий рабочего времени да еще с нарастающим итогом!

Если уж говорить об экономии, то сообщим, что указанная таблица отгрохана в ста тысячах (100 000) экземплярах. Такого количества бумаги на издание полного собрания сочинений Л. Н. Толстого не хватит, но один том соорудить наверняка удастся. Причем читать его будут и через сто лет, а на таблицы никто и не взглянет даже через пять минут после их заполнения.

Так авторы статистического вымогательства из Новосибирского облсовпрофа борются за экономию рабочего времени, не считаясь ни со своим, ни с чужим временем и с бумажным дефицитом тоже.

Р. БЕРКОВСКИЙ

Главное — здоровье

У гражданина Хабирова, из деревни Тусино, Туймазинского района, Башкирской АССР, осенью 1969 года вышел из строя телевизор. Он тогда же отвез его в Октябрьское телеателье. Там техники переглянулись:

— Тащили из-за такого пустяка?

Оказалось, Туймазинский район принимает передачи по одному каналу, а хабировский телевизор был настроен на другой.

— Надо будет перевести трансмиссию на эмиссию, гражданин Хабиров,— глубокомысленно и непонятно сказали работники телеателье и почему-то оставили аппарат у себя.

Когда минул год и начался второй, гражданин Хабиров рассердился и написал в «Крокодил». А тот, опять же по неосведомленности, послал письмо Хабирова в Министерство бытового обслуживания БАССР.

Вскоре пришел долгожданный исчерпывающий ответ начальника Башкирской дирекции телевизионной сети А. Баишева. И Хабиров с изумлением узнал, что телеаппарат давно у него дома и работает нормально.

— Ну и ну,— пробормотал тогда гр-н Хабиров, осторожно ущипнув себя за руку.— Может, он и действительно того... дома?

К счастью, гр-н Хабиров галлюцинациями пока не страдал. И отсутствие телевизора его несказанно обрадовало. Ибо, как вы понимаете, нет ничего на свете ценнее собственного здоровья!

Л. ЕГОРОВА

БЛАГИМИ НАМЕРЕНИЯМИ

В крайнем случае, конечно, дорогу можно вымостить и благими намерениями. Только по такой дороге ездить плохо. И в качестве иллюстрации мы возьмем прекрасный город Таганрог.

Лет 12 назад там задумали пустить трамвай по улице Карла Либкнехта. Ну, естественно, выковыряли булыжник, проложили трамвайные рельсы, а потом взялись за дальнейшее благоустройство мостовой. Мало-помалу сделали бетонные канавы и переходные мостики. Только когда подошла пора снова мостить улицу, — глянули — батюшки-светы! Благоустройство-то не предусмотрели. А по этой причине на улице непролазная грязь. И бетонные канавы и мостики из-за этого даже как-то не смотрятся.

Ну, естественно, жалобы в горисполком, депутатам...

Ну, естественно, отписки: потому-то и потому-то...

Одним словом, начали мостить эту улицу благими намерениями и добрыми пожеланиями. Только ездить по ней все еще нельзя.

В. МИХАЙЛОВА

Сотворение видов

Биологией, селекцией теперь увлекаются поголовно все. И многое из этой области стало доступно пониманию. Но что бы вы сказали, читатель, увидев апельсинорыбосетку?

А таковая выведена. Причем не ботаником и не биологом, а торговыми работниками в краматорском магазине «Урожай», где директором тов. Шевченко.

Не спорим, уже в названии магазина заложено нечто биологическое, растительное, естествоиспытательское. Но и все равно, откуда что взялось? Получить такой сложнейший гибрид!

— А очень просто,— открывают секрет торгработники.— Берутся два кило цитрусовых за два восемьдесят, банка килек за два девяносто, все укладывается в сетку и — рраз-два-три — продается покупателю. Сам Лютер Бербанк возразить бы ничего не смог!

Краматорские естествоиспытатели подняли селекцию еще на одну осязаемую ступень: в том же «Урожае» добились скрещивания зеленого горошка, капусты с рисом в томатном соусе и, понятно, одной прелой сетки.

На вопрос заинтригованной общественности, нельзя ли заменять ингредиенты, допустим, капусту икрой кабачковой, директор Шевченко ответил, что нельзя. Ибо невидимым, но необходимым катализатором этого процесса является план, который неразрывно цементирует разные виды товаров...

А вы говорите — Мичурин!

М. ВИТИН

Андрей ВНУКОВ,
специальный корреспондент Крокодила

Вы хотите попасть в «черный список»! Нет. И я не хочу. А они хотят... По собственному желанию хотят... И с превеликими трудностями попадают...

А ведь какие люди, на каких должностях и в каких учреждениях работают! В Управлении материально-технического снабжения Волго-Вятского района и в крымских винсовхозах, на Коммунарском металлургическом заводе и в ессентукском пансионате Магнитогорского металлургического комбината, во Владимирском и Житомирском облисполкомах и в санатории «Лесное озеро» Главснабсбыта...

В этом труднодоступном «черном списке», бережно хранящемся в отделе сбыта Горьковского автозавода, встречаются все те, кто для своих служебных разъездов хочет получить машину «Волгу», но не простую и даже не золотую, а непременно, обязательно, исключительно черного цвета...

Мысль к товарищу пришла
С предложением конкретным:
Как с двадцатого числа
Стать ему авторитетным,
Как у тех, кто «под» и «над»,
Вызвать чувство уваженья
Без физических затрат
И моральных напряжений...
Мысль товарищ поддержал
И уже довольно скоро
В город Горький провожал
Персонального шофера,
Дав ему наказ такой:
— Отправляйся в путь недолгий
И к двадцатому домой
Возвращайся с черной «Волгой».
Только черную возьми,
Чтоб от прочих отличаться,
А без черной можешь и
Вообще не возвращаться...
И пока шофер в пути,
Наш товарищ в кабинете
С девяти и до шести
Мыслит об авторитете:
«Вот из дома на завод
Ты на черной «Волге» шпаришь —
Сразу видно: это вот
Уважаемый товарищ!
Видя черное авто,
Отказать не смогут в визе
Никогда и ни за что
Ни в райщах, ни в крайкарнизе!»
Так товарищ рассуждал,
А шофер с его завода
Возле волжской сини ждал
«Волгу» черную полгода...

Да! Не сдержит тут ничто,
Если для авторитета
Хочется добыть авто
Представительского цвета!

Горький — Москва.

ЭПОХА И ТОРТ

Живет в городе Ульяновске престарелая мама Евдокия Андреевна Ставская. Сын Евдокии Андреевны живет поодаль — в городе Кинешме. Случился у мамы день рождения, и сын Ставский, воспитанный в лучших традициях, задумал совместно с супругой сделать для мамы нечто радостное.

Это понятно.

Нечто радостное можно совершить с помощью торта, врученного престарелой маме в момент торжества. Но как переправить торт из города Кинешмы в город Ульяновск?

Это непонятно.

— Да ведь сейчас эпоха добрых услуг! — воскликнул сын Ставский и решил использовать эпоху в личных целях.

Заблаговременно связались супруги с магазином № 22 Засвияжского пищеторга, что в Ульяновске. Из магазина их письменно известили: «Пожалуйста». Эпоха, известили их, коснулась и нас, а потому мы торжественно и в подходящий момент вручим торт вашей маме. Просим выслать в наш адрес 2 рубля 30 копеек.

Супруги отправились на почтамт, восхваляя эпоху.

Это понятно.

Деньги в магазине получили. Некоторое время они лежали в столе заведующей между накладными и расческой цвета бордо. Затем они оказались у почтальона в незапечатанном конверте, на котором были нарисованы ландыши. Еще в конверте лежала переписка относительно торта.

Это непонятно.

Почтальон, исполняя инструкции магазина, вручил ландышевый конверт дальней родственнице престарелой мамы Евдокии Андреевны. Родственница подержала конверт в руках и отнесла его юбилярше. Евдокия Андреевна надела очки. Она удивленно потрогала деньги, а затем внимательно прочла переписку относительно эпохи, которая именуется в магазине № 22 эпохой добрых услуг. Читая, мама испытывала...

Это понятно.

К. РУСЛАНОВ

— Ну как муженек?
— Ничего, скрипит помаленьку...

Рисунок Н. ЛИСОГОРСКОГО

А. НИКОЛЬСКИЙ,
специальный корреспондент Крокодила

ЧЕСТЬ МУНДИРА

Гражданские лица обычно ходят без мундиров. Они ходят в пиджаках, каких-нибудь там рубахах, одним словом, кто в чем.

И это даже лучше. Потому что не боишься запачкать мундир, когда занимаешься каким-нибудь грязным делом.

А если на мундире появляется пятно, то потом хлопот не оберешься, чтобы его отчистить. Причем главная трудность в том, что выводить пятно надо очень умело. Если полагаться на один свой энтузиазм, ничего хорошего не получится. Еще больше развезешь грязь — только и всего.

Поэтому хотя у каждого из нас и есть мундир, мы не надеваем его просто так. Он висит у нас в шкафу на плечиках. Мы надеваем его лишь тогда, когда нам грозит какая-то неприятность. Когда мы чем-то скомпрометированы. Когда нас кто-то обидел. Тогда мы торжественно достаем мундир из шкафа. Смахиваем с него щеткой пушинки, смотримся в зеркало, выпятив грудь колесом. И идем защищать честь мундира.

Это все я говорю к тому, что собираюсь рассказать следующую историю.

В прошлом году летом у нас в журнале была опубликована маленькая заметочка под названием «Из любви к детям». Она касалась школы № 44, Апшеронского района, Краснодарского края. И, несмотря на свою мизерность, заметочка повествовала о неприятной ситуации. О том, что для школьников там купили мотоцикл, но вместо школьников на этом мотоцикле летом ездил директор.

Ну, заметочка как заметочка. И, честно говоря, никаких зловещих последствий мы от нее не ожидали.

И вдруг, как гром среди ясного неба, ответ из Апшеронского районного комитета партии: факты не подтвердились. Дескать, директор школы № 44 на этом мотоцикле не ездил и не мог ездить, потому что «по состоянию на 1 сентября 1970 года пробег мотоцикла составил 8,3 километра, в том числе 3 километра заводского пробега».

Можете себе представить: мотоцикл наездил пять километров за три месяца. Ну что это за езда? И стоило ли кого-то там из-за такой смехотворной езды обвинять?

Короче говоря, надо ехать туда, в эту школу. Прихожу домой, достаю мундир, смахиваю щеткой пушинки, выпячиваю перед зеркалом грудь колесом и отправляюсь на Казанский вокзал.

Приезжаю. Директор школы Бузакин Михаил Семенович — очень симпатичный человек. Хорошее лицо, прямой взгляд, очки без оправы. Не так давно направлен в эту школу в порядке перевода.

— Здравствуйте, — говорю, — я из Крокодила, приехал, так сказать, проверить и посмотреть, откуда такой ответ взялся.

— Я понимаю, — говорит Михаил Семенович, — будете защищать честь мундира?

— Да упаси бог! — отвечаю. — Сказано: только проверить и посмотреть. Да мне,— говорю, — самому противно защищать честь мундира, потому что это не очень-то благородное занятие.

— Ну ладно, — говорит Михаил Семенович. — Вы подождите немного, я тоже пойду надену мундир, и мы потолкуем.

Приходит он в мундире. А мундир у него с иголочки. Без единого пятнышка. Отутюжен и вычищен.

— Вы, что же,— говорю,— в химчистку его отдавали?

— Да, — говорит. — Посадили вы мне пятнышко, небольшое, правда. Пришлось отчищать. Итак, что вы хотите проверить?

«А чего тут проверять? — думаю.— Такое честное лицо, и прямой взгляд, и очки без оправы».

— Скажите,— говорю,— Михаил Семенович, мне, как родному: вы ездили летом на мотоцикле?

— К сожалению, — говорит директор, — не ездил. И ни летом и ни в какое другое время года.

— А кто-нибудь, — спрашиваю, — ездил?

— Нет, — говорит, — никто не ездил.

Тут, я вижу, что-то не то. Надо бы, думаю, проверить. А как проверить?

Иду, конечно, к соседям. Самые правдивые люди на свете — это соседи.

— Так и так, — говорю, — кто ездил на мотоцикле?

— Завхоз, — говорят.

— И часто?

— Часто.

А как же пять километров на спидометре? Два раза прокатись — и то больше пяти будет. А тут: часто...

Ну, начинается дальнейшая проверка. Милиция, ГАИ и все такое прочее. Выясняем: спидометр разбирали, чтобы тайно перекрутить его на эту злополучную цифру — пять километров. Налицо обман и попытки спасти честь мундира некрасивыми средствами. И при этом страдают все члены комиссии, которым, мягко выражаясь, втерли очки.

А все они, обратите внимание, тоже были в мундирах.

И вот мы опять друг против друга. Мой-то мундир запылился с дороги, а у директора — новенький. Блестит, сверкает.

— Итак, — говорит Михаил Семенович, — если вы не собираетесь защищать честь мундира, то должны прямо и откровенно сказать на страницах журнала, что я на мотоцикле не ездил.

— Конечно, — говорю, — я так и скажу. Не ездили вы на мотоцикле, и в этом плане мы ошиблись. Но, дорогой Михаил Семенович! Ведь вы знали про эти штуки со спидометром. Знали, что на мотоцикле ездил завхоз. Зачем вы сказали мне, что на нем никто не ездил? Зачем ввели в заблуждение комиссию?

— Увы! — говорит Михаил Семенович.— Досадно, что все так получилось. Но если говорить откровенно, то вот, например, вы который день уж со мной разговариваете, кровь из меня пьете. А комиссия, — говорит, — что? Сунула мне листок бумажки, пиши, — говорит, — объяснение. Как с преступником со мной обращались. Про завхоза и вопрос-то не возникал.

— Не расстраивайтесь, — говорю,— это все мелкие неприятности, неизбежные, когда уж слишком защищаешь честь мундира. А перебарщивать в этом деле нельзя.

г. Горячий ключ.

Валентин КОРЧАГИН

ПАРОДИИ

СПЕШУ И ПАДАЮ

Ты снова сладкой басней кормишь
Все о Сибири, все о ней.

Светлана КУЗНЕЦОВА

Ой, Сибирь моя! Не шутки я шучу,—
я тобой себя, ученую, учу.

Глянь: от ягод и стихи мои и сны
сплошь оранжевы, и желты, и красны.

У костра сижу. Гудок вдали — «ту-туу!»
Искры гаснут, искры гаснут на лету.

Я спешу... Спешу — и падаю в снега.
Скоро — паводок! Словесная шуга!

Я по строчкам, как по тоненькому льду,
все иду, иду, иду, иду, иду.

Ах ты, щукин сын, щуренок молодой,
окати меня из проруби водой!

Праву ручоньку мне малость охлади —
знаешь, сколько еще строк-то впереди?!

СИНТЕТИЧЕСКАЯ ВНЕШНОСТЬ

Черной краской на бумаге ватманской
мой портрет нарисовала девочка.

Юрий ЛЕВИТАНСКИЙ

Эти строфы мои — не припевочки,
а загадочный автопортрет...
Вот рисуют в альбомчиках девочки.
Что рисуют они? Мой портрет.

О, как радостно думать модели,
то есть мне, Левитанскому Ю.,
что они неспроста захотели
углубиться во внешность мою!

Мое стойкое сходство с великими
изучить не мешало бы всем.
Окружен был я смолоду криками:
— Это ж вылитый Лермонтов М.!

Годы шли. Я толстел, раздавался...
Снял мундир. Облачился в пиджак.
Где шагал я, там вопль раздавался:
— Вон идет Оноре де Бальзак!

И хоть автор «Шагреневой кожи»
вовсе Лермонтову не родня,
меж собою они очень схожи
тем, что смахивают на меня.

ДАЛЬНИЙ ПРИЦЕЛ

Все, что ночью бредится,
Все, что утром кажется,—
Строками простелется,
Рифмами завяжется.

Виктор ГОНЧАРОВ

Когда гнетет меня бессонница,
я принимаю люминал.
За мной к утру кошмары гонятся,
чтоб лучше их запоминал.

Чтоб излагал их подетальнее —
иной раз два раза на дню...
Но у меня прицелы дальние,
и я к другому тут клоню.

Хочу такое спеть, товарищи,
такое сочинить, друзья,
чтоб просто сверхошеломляюще
вдруг зазвучала песнь моя!

Чтоб было что-то в ней от древности
вплоть до сегодняшнего дня,
от сверхлюбви вплоть до сверхревности,
от снов моих вплоть до меня.

Чтоб искры сыпать обязательно
из-под писательских кресал!
Чтоб написать сверхсногсшибательно!
...Ну вот.
Уже и написал.

Поэзия: доверительные строки

Алтайский край, г. Рубцовск, А-ву А. В., рассуждающему стихами:

Зачем в духовный мир людей
Давать незрелый склад стихов,
Давать неспелый плод трудов,
Затем уж слышать мнение судей? —

и прозой:

«Мой друг однажды написал стихотворение и отправил его в районную многотиражку, надеясь получить рецензию, но там не оказалось литконсультанта, и стихотворение сдали в набор».

Консультантов у нас достаточное количество. Только поэтому Ваше стихотворение в набор не сдаем. А и мнению судей советуем прислушаться. И уж потом устремляться в духовный мир людей, дабы складировать там свои стихи.

Ашхабад, Р-ву Н. В., автору стихотворения «Секретарша»:

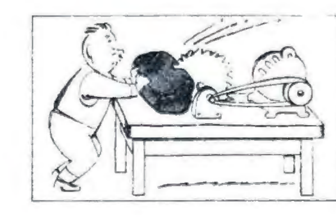
Работает девчонка в школе
Секретарем директора.
Как день, так блюдца, чайник холит
У этого у ректора.

Директору школы не под силу совмещать свою работу с должностью ректора. Для рифмы можно назвать его лектором, корректором или инспектором.

Реплика художнику

СТОП! ВЫКЛЮЧИТЬ МОТОР!

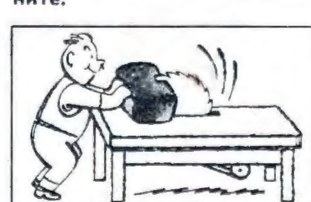
Дорогой Крокодил! У тебя во втором номере есть проект хлеборезки художника М. Вайсборда:

Предупреждаю: работая на своем изобретении, художник останется без рук, а стало быть, и без хлеба. Пила крутится в обратную сторону — выходит, буханку вырвет и может покалечить художнику руки. И еще. Крепить пилу и электродвигатель нужно под верстаком, чтобы вал пилы не мешал резать хлеб. И еще. По технике безопасности, работающему на циркулярной пиле положены рукавицы.

В. ДАЦКОВ, г. Николаев.

От Крокодила. Дорогой Василий Иванович! Не нахожу слов для выражения благодарности. Я срочно вызвал художника и предложил немедленно исправить агрегат согласно Вашим указаниям. Вот результат, взгляните:

Художник М. Вайсборд просит извинения за доставленные хлопоты и так же благодарит Вас за своевременное предотвращение несчастного случая.

P. S. Мне приятно, что Вы обратили внимание только на технические детали. Из этого я делаю вывод, что у жителей города Николаева к качеству хлеба претензий нет. Верно же?

Крокодил помог

«ЭКОЕ КАНАЛЬСТВО»

Еще в начале прошлого года по улице Розы Люксембург в городе Тирасполе рабочие строительного управления вырыли не то канал, не то канаву. Вырыли да и забыли. И долгие месяцы стоит канава. Осенью — наполненная водой, а зимой — превращенная морозами в каток («Крокодил» № 2).

Заместитель председателя исполкома Тираспольского горсовета тов. Д. Колупаев признал критику в адрес ОКСа исполкома и руководителей строительных организаций, ведающих сооружением ливневого коллектора, правильной.

За нарушение технологии производства строительных работ и правил техники безопасности начальник СУ-28 И. Дьяченко и начальник СУ-31 Ф. Крылов строго предупреждены. Их обязали в ближайшее время уложить железобетонные короба и засыпать траншею.

ОКСу горисполкома указано на отсутствие контроля за ходом строительства коллектора.

«МАЛЕНЬКИЕ СЛАБОСТИ»

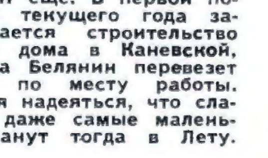
А у кого их нет? Правда, слабости бывают разные. Слабость директора Каневского лесхоза В. И. Белянина, например,— это быстрая езда на автомобиле. Опять же понять его надо: ведь живет-то он за двести километров от места работы. Вот и приходится всегда торопиться. Но так как шофер против превышения положенной скорости, то приходится садиться за руль самому. А результат? Разбитая машина. Увы!

Есть у тов. Белянина и еще одна слабость. Не любит он критики. Посмевших его критиковать притесняет и доводит до ухода с работы. Вот об этих «маленьких слабостях» тов. Белянина и рассказывал фельетон в № 6 «Крокодила».

Как сообщил секретарь Каневского райкома КПСС тов. И. Миюсов, факты подтвердились. За злоупотребление служебным положением бюро райкома КПСС объявило директору лесхоза В. И. Белянину строгий выговор с занесением в учетную карточку.

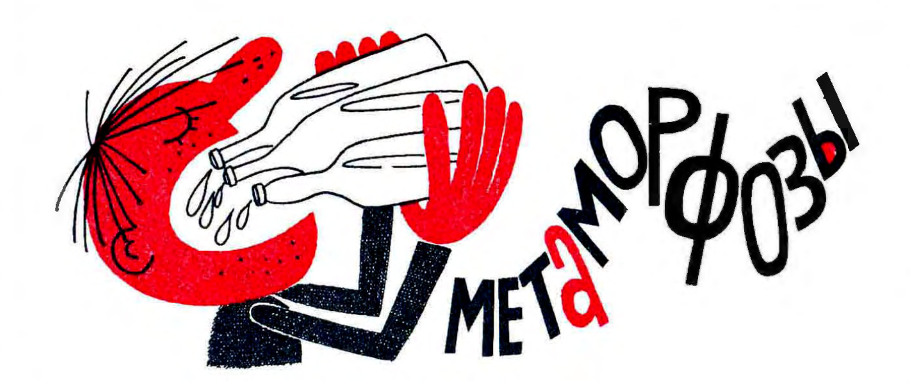
Ремонт автомашины произведен за счет В. И. Белянина. И еще. В первой половине текущего года заканчивается строительство жилого дома в Каневской, и тогда Белянин перевезет семью по месту работы. Хочется надеяться, что слабости, даже самые маленькие, канут тогда в Лету.

КРОКОДИЛЬСКИЙ УЗЕЛ СВЯЗИ
май 1971

Владлен БАХНОВ

Рассказ

МЕТАМОРФОЗЫ

Свои первые сто граммов водки Федор Васильевич выпил не так чтобы слишком рано и не так уж поздно — в 15 лет. В день получения паспорта на боевом счету Феди было двадцать пол-литров, а к свадьбе — сто сорок пять. Так что поначалу дело двигалось не чересчур быстро и, можно сказать, в пределах среднестатистической нормы. Но дальше пошло легче. К рождению первенца Федя осилил уже пятьсот пол-литров. Сына назвали Петром, и в честь этого знаменательного события молодой отец справился еще с двумя бутылками.

Где-то в районе двухтысячной бутылки у Феди родилась дочь, а когда дело подходило к третьей тысяче, родился второй мальчик, которого счастливый отец по пьяной лавочке тоже хотел назвать Петром. Но затем, будучи под хмельком, о своем решении как-то забыл и нарек парнишку Вольдемаром.

Вообще-то Федор Васильевич где-то кем-то работал, в жизни его, конечно, происходили какие-то важные события, случались радости и огорчения. Завершая пятую тысячу бутылок, Федор Васильевич получил новую квартиру со всеми удобствами и гастрономом внизу. Жить, разумеется, стало еще веселей.

А однажды где-то в конце восьмой тысячи пол-литров Федор вдруг на какое-то мгновение протрезвел и с удивлением обнаружил, что сидит в компании каких-то незнакомых молодых людей. Все они были в черных костюмах, белых рубашках и ярких галстуках... И только потом Федор Васильевич понял, что это он гуляет на свадьбе у своего старшего сына Пети.

А вообще-то друзья-собутыльники менялись часто и как-то незаметно. Только первые три с половиной тысячи бутылок плечом к плечу с Федей шел его лучший друг Паша Егорычев. Федя его очень любил, и сколько бы им ни приходилось выяснять отношения, всегда оказывалось, что друг друга они уважают и понимают. Но потом вдруг Паша бросил пить и стал играть в шашки, что, конечно, к добру не привело, потому что однажды Паша отравился эклером и чуть не умер. И хоть Федор тоже не против был иной раз подвигать по доске шашки, но знал меру. А после того, что случилось с Пашей, он стал еще более осторожно увлекаться этим опасным и отчаянным занятием.

Шли дни, сменялись этикетки на бутылках, и к тому времени, когда Федор Васильевич приканчивал свою десятую тысячу, сердчишко у него стало пошаливать, и врач сказал, что жить ему осталось всего лишь пятьсот пол-литров, не больше.

— Пятьсот пол-литров чего именно? — дрогнувшим голосом попытался уточнить Федор.

— Именно ее! — строго пояснил врач.

— Ну, а если на что-нибудь послабей перейти? На перцовку или портвейн? Сколько я в таком случае бутылок протяну? — попробовал поторговаться бедный Федя.

— Что водка, что портвейн — все равно алкоголь, и норму свою вы давно уже перевыполнили, фонды выбрали и лимит исчерпали. Так что советую переходить на кефир.

...Прямо из поликлиники расстроенный Федор Васильевич зашел в пивной зал. Обводя отрешенным прощальным взглядом холодные стены и круглые, с мраморными крышками столики, он осушил одну кружку, вторую и спохватился, что не выяснил у доктора, входит ли пиво в те самые роковые пятьсот бутылок или нет. А как только в его мозгу всплыло страшное слово «лимит», так почему-то вспомнил он своего бывшего собутыльника Пашку и решил обратиться к нему с неслыханной просьбой.

Паша был дома. Потягивая чаек, он сидел за столом и, раскрыв журнал «Спутник шашиста», с увлечением разбирал партию Лихтенштейн — Гогенцоллерн, сыгранную на последнем международном чемпионате игроков в поддавки.

Федор Васильевич извлек из карманов бутылку белой, бутылку красного и, поведав дружку о своем печальном разговоре с доктором, сообщил, что жить ему осталось всего пятьсот пол-литров. А если считать и те, что стоят на столе, так и того меньше.

В глазах у бедного Паши появились слезы...

— Выбрал брат, свои алкогольные фонды, — сказал Федор. — Исчерпал я, дорогой мой, свои водочные лимиты.— И он с грустным бульканьем наполнил водкой стаканы...

Но Паша пить белую отказался, а о красном вообще даже разговаривать не стал. Однако Федор не обиделся.

— Знаю я, Паша, что ты давно и на веки вечные пить бросил. И правильно сделал. Так вот какая у меня к тебе великая просьба: не уступишь ли ты мне свои неизрасходованные лимиты?

— То есть как это? — не понял сразу Паша.

— Да очень просто. Ты в своей правильной, трезвой жизни, небось, еще тысяч пять бутылок недоизрасходовал. И тебе, непьющему, эти лимиты абсолютно ни к чему. А мне бы они во как пригодились! Ну так как?

— Надо подумать... — сказал Павел и насупился.

— А чего тут думать? Ты-то ведь пить не собираешься?

— А ты почем знаешь? Я, может, как раз к этому... к Дню печати развязать намечаю...

Паша явно врал, потому как День печати отгуляли еще на прошлой неделе, и Паша ничего, кроме томатного сока, себе не позволил. Но Федор страшно испугался.

— Да ты что, Паша! — замахал он руками. — Ты что это надумал! Алкоголь же — яд! Ну хочешь, я тебе за твои неизрасходованные лимиты мой телевизор отдам? Хочешь?

— За пять тысяч бутылок — телевизор? — Паша обидно засмеялся.— Где ты такие цены видел?

— А что же ты хотел, автомобиль, что ли?

— Да уж, во всяком случае, не телевизор. Пять тысяч пол-литров! Одна посуда и та дороже стоит, не говоря про содержимое!

— Так я ж у тебя не выпивку покупаю, а только лимиты.

— Ну и что? Лимиты, по-твоему, на улице валяются? Да я лучше сам свой лимит израсходую, чем отдам их за какой-то доисторический телевизор устаревшей модели! — И с этими словами Паша неожиданно схватил Федин стакан и залпом осушил его.

— Поч-чему это мой телевизор устаревший? — обиделся вдруг Федя.— Десять лет не был устаревшим, а тут взял да и устарел?

— А ты как, Феденька, думал? Все в природе стареет: и я, и ты, и телевизоры. Диалектика!

Федору Васильевичу стало совсем грустно.

— Ну ладно,— согласился он,— раз диалектика, не отдавай мне все пять тысяч бутылок. Но хоть половину ты за мой телевизор уступишь?

— Не знаю, — сказал Паша, явно боясь продешевить.— Мне бы с женой посоветоваться надо: сам понимаешь, покупка телевизора — дело семейное.

— Какая ж это покупка? — удивился Федор.— Я ж тебе телевизор задаром даю!

— Нет, Федюня, не даром, а за мои лимиты,— рассудительно возразил Паша и разлил по стаканам остатки водки.— Телевизор я в любом магазине куплю хоть в кредит, хоть за наличные. А лимиты пока выхлопочешь — сам не рад будешь.

— Эх, Паша, Павел Николаевич! — горько сказал Федор, откупоривая портвейн.— Мы с тобой три с половиной тыщи бутылок душа в душу прожили. Я думал, ты друг, а ты стяжатель, собственник и пережиток — вот ты кто, Паша! И я лучше совсем пить брошу, чем твоими лимитами воспользуюсь!

С этими словами Федор Васильевич демонстративно вылил бутылку розового портвейна в горшок с фикусом и, хлопнув дверью, нетвердыми шагами направился к молочной. Он знал, где она находится, потому что рядом с ней принимали посуду.

...С этого дня Федор Васильевич ничего, кроме кефира, не признавал. А Павел, наоборот, забросил шашки и стал пить, стремительно наверстывая упущенное. Пока он не ведал, что ему причитаются какие-то там лимиты, он и жил спокойно и беззаботно играл в настольные игры. А тут ему стало страшно, что его собственные лимиты, его кровные фонды могут пропасть так, задаром — и это не давало ему покоя ни днем, ни ночью...

Да, нет никакого лекарства от жадности. И куда смотрит медицина — неизвестно!

ХРОНИКА ВЕСЕЛОГО ЦЕХА

«ЗАРЯД СОЛИ»

При воспоминании о Молдавии трудно преодолеть желание взять внеочередной отпуск, сесть на самолет и полететь в южную республику к знакомому виноделу. Там ведь действительно почти всюду — на рынке, на улице, в столовой — можно услышать нечто подобное: «А наши соседи, знаете, что придумали? Налили в банку вино и опустили в нее рыбку. И что думаете? Вот уже две недели прошло, а рыба жива-здорова... И, говорят, чувствует себя, как в воде...»

Это цитата из рассказа молдавского писателя Алексея Марината «Бочонок винодела», вошедшего в его новый сборник «Заряд соли».

Автор не только весело и влюбленно рассказывает о своих земляках, но и бичует пороки, которые мешают им в повседневной жизни. Мы прочитаем не только об искусных виноделах, но и о тех, кому вино застит глаза. И о тех, кто пускает в глаза пыль. Ну, скажем, вроде председателя одного колхоза, который вырастил самую большую редьку на свете, но и... самую горькую притом.

В общем, прочитав эту книгу, убеждаешься, что «Заряд соли» попал в цель.

«ДА ЗДРАВСТВУЕТ КОРОЛЬ!»

В Ленинградском государственном академическом театре комедии состоялась премьера сатирической комедии Владимира Полякова «Да здравствует король!» («Степан I»).

Эта веселая комедия рассказывает о скромном московском бухгалтере, по стечению чрезвычайных обстоятельств ставшем главой небольшого королевства на одном из островов Тихого океана и столкнувшемся с порядками капиталистического общества.

Спектакль поставлен главным режиссером театра В. С. Голиковым, художник М. Смирнов, композитор Н. Богословский. В главных ролях — народные артисты РСФСР И. Зарубина, П. Суханов, заслуженные артисты республики А. Сергеева, К. Злобин, А. Савастьянов, И. Ханзель.

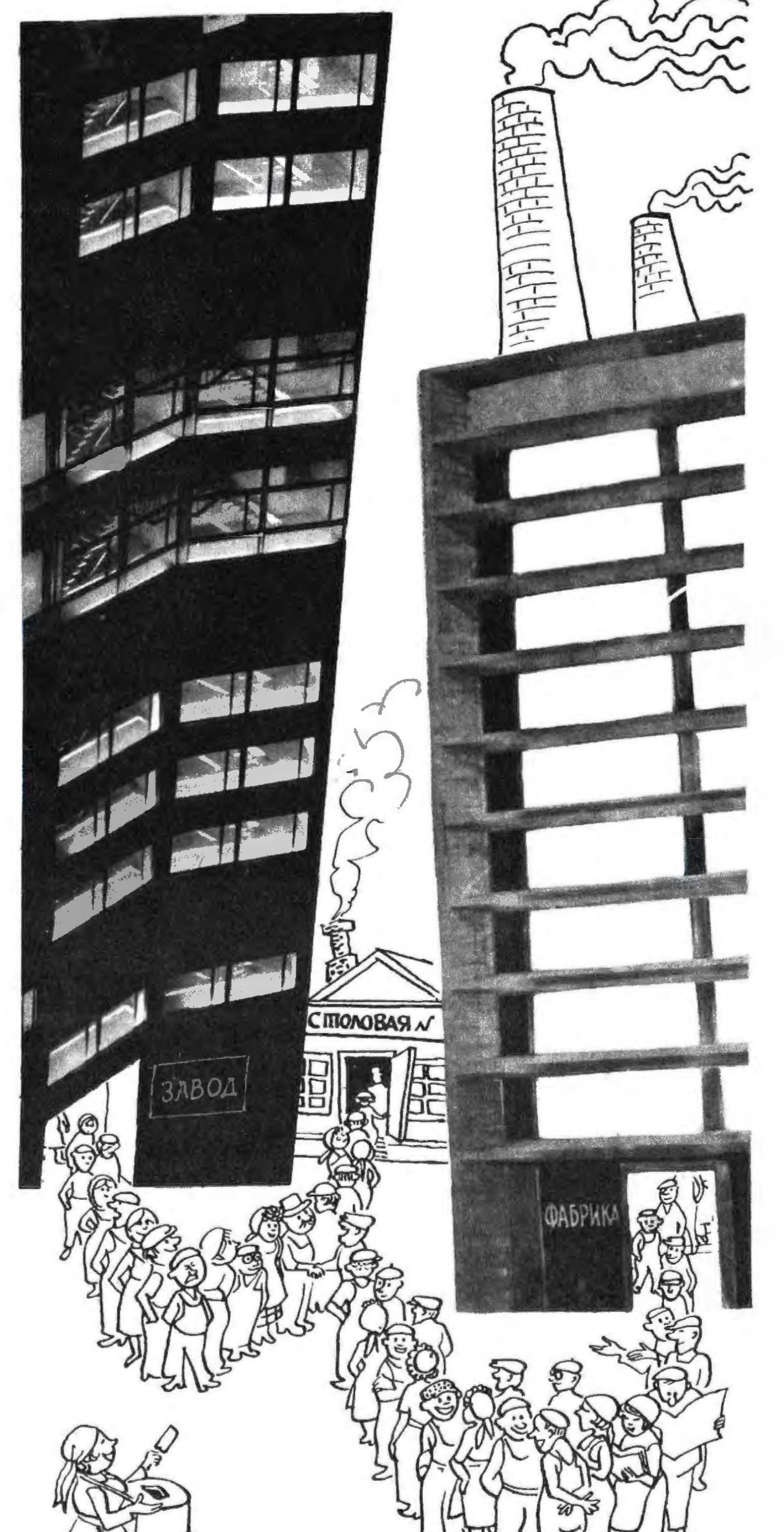
СНАЙПЕРЫ ИЗОБРАЗИТЕЛЬНОЙ САТИРЫ

Художник-карикатурист всегда в одной шеренге с газетчиком-публицистом, всегда на переднем крае жизни. Сегодня он получил редакционное задание, а на другой день или даже через несколько часов должен принести готовый рисунок. И не просто рисунок, а рисунок, начиненный публицистическим зарядом...

И вот лучшие работы карикатуристов страны заняли достойное место на открывшейся в Москве Всесоюзной выставке художников-журналистов. Выставка настолько широка, что даже не смогла уместиться в одном зале. Она экспонируется одновременно и в Центральном Доме журналиста, и в Центральном Доме работников искусств, и в кинотеатре «Фитиль».

На этой выставке заметно расширение «географии» изобразительной сатиры. Во многих районах нашей страны выросло немало сатириков-«снайперов». Это А. Евстафеев (Горький), Ю. Румянцев (Кишинев), Н. Леушин (Ташкент), Г. Ломидзе (Тбилиси), Н. Бердыев (Ашхабад), И. Ахмадеев (Казань), С. Малахов (Таллин) и многие другие. Их работы отличает ясный графический язык и смелость творческого поиска.

УЗКОЕ МЕСТО

Рисунок Е. ГОРОХОВА

МИМОХОДОМ

Был продуктом эпохи, но скоропортящимся.

Дома и сцены помогают.

Дубина, а претендует на роль дирижерской палочки.

Окрик — и. о. аргумента.

Плюс — это перечеркнутый минус.

Ошибки молодости иногда плохи только тем, что их нельзя повторить в старости.

Ц. МЕЛАМЕД

НА БОЕВОМ ПОСТУ

Один серьезный товарищ в Элисте мне сказал:

— Во всем виноваты госохотинспекторы. Надо было знать, кого задерживали...

Эта ценная мысль проходит красной нитью через всю историю, которая началась, как и в старинной песне, темной ноченькой во глухой степи. К тому же за три дня до наступления Нового года.

Заместитель начальника элистинского горотдела милиции Владимир Павлович Родомский и его сосед по квартире Владимир Мартынович Циммерман, буровой мастер по профессии, решили украсить праздничный стол сайгачиной.

Но поскольку отстрел этих редких животных категорически запрещен и мясо их не продается в магазинах, пришлось отправиться в путь-дорогу за добрую сотню километров, в ту самую глухую степь, в которой, как известно из популярной песни, замерзал ямщик.

Как на грех, у любителей сайгачины личной машины не оказалось. Пришлось взять милицейский «газик». За руль сел ярый поборник законов, неутомимый борец за сохранность социалистической собственности Василий Ильич Осичкин, старший инспектор уголовного розыска.

Сначала было решили сайгачину сообразить на троих. Но, поразмыслив, что стадо отыскать не так-то просто, по дороге захватили четвертого, местного жителя Онуфрия Васильевича Шпуганича, на которого была возложена служба наведения.

Онуфрий Васильевич оказался на высоте поставленной задачи. Он точно вывел машину на цель, и пять сайгаков отошли, как говорится, в мир иной.

Дальнейшее смертоубийство было прекращено подоспевшими охотоведами во главе со старшим работником инспекции А. И. Близнюком.

Как должны были поступить в данных обстоятельствах работники инспекции, по мнению серьезного товарища из Элисты, мы уже знаем. Выяснив, что во главе браконьеров находится высокое должностное лицо, следовало извиниться, от души поздравить с наступающим Новым годом, пожелать приятного аппетита и удалиться восвояси. Вместо этого был составлен акт на незаконный отстрел сайгаков, были отобраны ружья и конфискована добыча.

Конечно, можно в оправдание такого поведения сослаться на молодость инспектора. Только в прошлом году Анатолий Близнюк окончил высшее учебное заведение, где ему старательно внушали, что перед законом все равны.

Но факт остается фактом — акт был составлен и передан по назначению.

Первым, как и следовало ожидать, реагировал на происшествие министр внутренних дел Калмыцкой АССР Василий Васильевич Петров. Реагировал решительно, тем более что Родомский, перехватив лишку на новогоднем вечере, еще и драку учинил.

18 января за подписью товарища Петрова появился приказ:

«За незаконный отстрел сайгаков и недостойное поведение на новогоднем вечере майора милиции товарища Родомского В. П. освободить от занимаемой должности заместителя начальника элистинского горотдела милиции и использовать с понижением в должности.

Лейтенанту Осичкину В. И. за незаконную охоту объявить выговор».

Родомский незамедлительно укатил на периферию в отдел милиции Целинного района, на радость местным нарушителям законов, которые говорят:

— Есть теперь в милиции свой человек...

Даже после того, как судебная коллегия по уголовным делам Верховного суда Калмыцкой АССР приговорила Родомского к 6 месяцам исправительных работ с удержанием 15 процентов заработной платы, отзывчивое сердце В. В. Петрова не дрогнуло. Родомский и после того, как был осужден, остался на посту поборника законности в Целинном отделе милиции.

Что касается Василия Ильича Осичкина, то он и вовсе оказался баловнем судьбы. По суду он проходил как... свидетель, поскольку дружный коллектив элистинской милиции ходатайствовал о взятии его на поруки.

Остается сообщить, что и старший охотовед не пострадал: его не сняли с работы, даже не объявили выговора... Вот разве только то, что молодому специалисту второй год не предоставляют жилье, и ютится он с семьей на частной квартире.

Так ему и надо. В другой раз будет знать, кого задерживать...

А. ШЕЙНИН

г. Элиста.

ВНИМАНИЮ ЭНЦИКЛОПЕДИСТОВ!

Печатая сегодня очередной словник, напоминаем, что он вовсе не носит директивного характера. Объясните миру любые слова, лишь бы было просто и гениально.

Срок рассмотрения ваших писем на буквы Н. О. П.— до 10 июля. В случае, ежели удачное определение встречается у нескольких авторов, мы при помощи лупы тщательно изучаем почтовые штемпели и отдаем пальму первенства самому раннему отправителю. Учтите.

Поскольку крокодильские электронно-вычислительные машины, обрабатывающие почту энциклопедии, гудят от перенапряжения, редколлегия КСЭ убедительно просит на конвертах указывать буквы, в данном случае — Н. О. П.

Н

Навал
Навар
Наводнение
Наглец
Нагрузка
Надомник
Наезд
Наемник
Нажим
Назначение
Наивность
Накачка
Наклонность
Налегке
Намек
Намерение
Наметка
Напалм
Напарник
Наплевательство
Напоминание
Напористость
На поруки
Наркоз
Наряд
Наседка
Насморк
Настойка
НАТО
Натура
Натюрморт
Нафталин
Находка
Нацизм, неонацизм
Небо
Небоскреб
Невезение
Невеста
Невод
Неврастеник
Недолив
Недомыслие
Недоучка
Неженка
Нектар
Непоседа
Нерв, нервный
Несовершеннолетие
Нивелировка
Нигилист

Ничья
Новобрачная
Новоселье
Нокаут
Ноль
Норов
Нос
Нумизмат
Нюх

О

Оазис
Обаяние
Обвес
Обет
Обида
Обкатка
Облако
Обмолвка
Обожание
Обои
Обойма
Образец
Образованность
Обувь
Обуза
Обух
Объект
Овчинка
Оглядка
Огонек
Огрех
Одессит
Однообразие
Одноклассник
Оказия
Оклад
Опекун
Опыт
Опьянение
Ордер
Осел
Осетр
Оскомина
Остаток
Осторожность
Острота
Осьминог
Ответственность
Отец
Отпуск
Отрез
Официант
Ох
Охотник
Очередь

П

Па
Павиан
Паж
Паинька
Пай
Пакость
Палатка
Памятник
Паника
Панцирь
Паразит
Парашют
Парик
Парочка
Пас
Пастух
Паяц
Педант
Пекло
Перевоспитание
Пережиток
Перекур
Перерасход
Перестраховка
Перетасовка
Переход
Персона
Перчатка
Песенник
Печка
Пиво
Пират
Пируэт
Питон
Пиявка
Плагиат
Плата
Плеть
Плечо
Подарок
Подаяние
Поджилки
Подкоп
Подобострастие
Подпись
Подхалим
Пожар
Полуфинал
Порох
Порядок
Похвальба
Прабабушка
Прах
Прелюдия
Прения
Приглашение
Приемщица
Приз
Примета
Пробка
Прогул
Продавщица
Произвол
Проказник
Пророк
Простой
Публика
Пустозвон
Пыжик

НАРОЧНО НЕ ПРИДУМАЕШЬ

Прислал Г. Крузман, г. Омск.

«При голосовании было допущено нарушение: всех спящих посчитали за воздержавшихся, в том числе и меня. Проснувшись, я был против, но мне сказали, что дважды голосовать нельзя».

(Из жалобы)

Прислал Н. Моногаров, г. Воронеж

«Потом схватил ружье и наставил на меня. При этом сказал: «Молилась ли ты на ночь Бездымонна?».

(Из объяснения)

Копию снял А. Хрящев, г. Ленинград

«Театр им. Я. Купалы. Сегодня — «Трибунал», завтра — «Амнистия».

Газета «Советская Белоруссия»

«Одна жизнь у меня не удалась, и я рискнула начать вторую».

(Из заявления)

Прислала Г. Агаркова, г. Ульяновск

«Прошу Вас, тов. редактор, помочь в моем ходатайстве насчет неправильной взятки за жилую площадь. Взятку я дал, а квартиру не получил».

«Может ли культурный человек жить с людьми в одной квартире низкого духовного качества?»

«Посылая просьбенно-письменное заявление в административные органы — с низших и до высших и обратно и наоборот, прошу ответить мне ценно-полезным, сочувствующе-добрым, безотказно-просьбенным и сполна удовлетворяющим ответом».

(Из писем в редакцию)

Собрал В. Попов.

МПП
РСФСР
СЕВЕРО-КАВКАЗСКОЕ
И НИКАКОЙ КУЛИНАРНОЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ
ТБИЛИССКИЙ
САХАРНЫЙ ЗАВОД

Этот загадочный код значится на коробке с кукурузными палочками.

Прислали А. Швандер, В. Щербанева и многие другие.

«Причем велосипедист должен соответствовать росту велосипеда и быть технически исправным — иметь надежные тормоза, осветительный фонарь спереди, красный отражатель света сзади и звонок».

Газета «Колос», ст. Смирново, Северо-Казахстанской области

Миниатюры

Николай КНЯЗЕВ

ТРЕТИЙ ЛИШНИЙ

Случится же такая чепуха —
Однажды волки съели пастуха.
Но, хоть осталось стадо без защиты,
Все овцы были целы, волки — сыты.

Г. ДЕМЕНОК

ПОРОСЕНОК

Грязь заграничную превозносил публично:
— Бывал... Видал... Валялся даже... Лично...

ПЕСНЯ ЯМЩИКА

Когда я на почте служил ямщиком,
То в «Чайной» и впрямь угощали чайком...

г. Вильнюс

0—42 В ПОЛЬЗУ ЛЬВА ЯШИНА

Дружеский шарж Ю. УЗБЯКОВА

— Смотри-ка, импортный...

Рисунок Н. ЩЕРБАКОВА

— Когда я впервые пришел в цирк, я двух слов связать не мог.

Рисунок С. СПАССКОГО

УЛЫБКИ РАЗНЫХ ШИРОТ

Ред ТОП (Швеция)

МОЙ ПРОГНОЗ

На днях мы заглянули в наш магическо-сатирический кристалл (цветной, двухканальный), надеясь разглядеть, что нам сулит будущее.

И вот что мерцает в тумане грядущего.

Ученые и техники решат проблему выхлопных газов — автомашины будут испускать слабый аромат лилий. В отличие от целлюлозных фабрик, которые заблагоухают розами.

Кто-нибудь сделает открытие, что сигареты полезны для здоровья, и злостные курильщики, как по мановению волшебной палочки, бросят курить.

Вся годовая зарплата будет выплачиваться за один раз, чтобы люди хоть раз в год почувствовали себя действительно богатыми. Молодежь сможет по желанию при поступлении на работу получить зарплату за всю жизнь вперед, притом наличными.

Жилищный кризис будет разрешен путем постройки гигантского дома объемом в кубический километр вблизи Стокгольма.

В программу школ вводится новый предмет — проверка ресторанных счетов, поданных официантом.

Введут государственные пособия всем, кто покупает книги.

Родителям запретят смотреть эротические фильмы.

Популярную профессию афериста объявят законной и уважаемой. В Стокгольме, Гетеборге и Мальме будут учреждены вузы по подготовке аферистов.

Кассы в магазинах самообслуживания получат право на регистрацию браков.

Телевизионная программа станет великолепной.

Хуан КАРДИ (Куба)

К ВОПРОСУ О СУВЕНИРАХ

Так называемый «сувенир» — изобретение поистине дьявольское. Азарт охотников за сувенирами не знает пределов. Если, к примеру, подсчитать количество — с каждым днем растущее — людей, обладающих, например, щепками от креста, на котором был распят Христос, то, по самым строгим статистическим данным, этих щепок хватит на кресты по крайней мере для половины морской пехоты США, находящейся во Вьетнаме.

В настоящее время совсем не обязательно покидать свой дом, чтобы собирать сувениры. Достаточно иметь одного-двух друзей либо родственников, которые путешествуют. Скажу откровенно, для меня было большой неожиданностью увидеть вокруг такое фантастическое количество собирателей сувениров. Едва стало известно о моей поездке в Москву, как они начали заполнять мой дом. Родственники и друзья выразили наискромнейшее желание, чтобы я им привез «что-нибудь».

Раньше настоящий коллекционер всегда имел в своем доме витрину, на которой вы могли увидеть самые неожиданные предметы: коробок со спичками, которым воспользовался Нерон, поджигая Рим, ночной горшок английской королевы, лепестки болгарской розы, этикетку от севильского хереса и пуговицу от бюстгальтера Изабеллы I. Сейчас все изменилось. После того как нашли пятый череп Наполеона, количество собирателей древностей значительно уменьшилось.

К счастью, никто из моих родственников не попросил меня привезти храм Василия Блаженного, что позволило мне избежать долгих переговоров с работниками по охране памятников в вашей стране.

Однако один приятель накануне моего отлета с Кубы сказал:

— Я хочу, чтобы мой сын Пепе стал зоологом. Поэтому я решил коллекционировать зверей. У меня уже есть кот, курица, канарейка и собака вместе с блохами. Дядя Хозе обещал мне попугая. Я узнал, что ты едешь в Европу, и во имя нашей дружбы хочу попросить тебя об одном одолжении,— знаю, знаю, что ты не откажешь. Дело в том, мой дорогой Карди, что Пепе очень хочет медвежонка. Можно не белого, а бурого. Но лишь бы живого.

Потрясенный, я не мог произнести «да» и лишь пожал плечами.

Но дружба требует жертв не в меньшей степени, чем искусство. У меня очень мало свободного времени, а я еще вынужден бегать по Москве в поисках медведя. Я столько раз останавливался перед вольерой с медведями в Московском зоопарке, что сторож почуял неладное и смотрел на меня с каждым разом все подозрительнее. Пришлось отказаться от этой затеи.

И я просто вырезал медведя из «Крокодила». Он совсем как живой. Во всяком случае, когда на него смотришь, то невольно улыбаешься...

«Вие нуове» (Италия)

Американские солдаты во Вьетнаме.

— Эй, Майкл, не завидуешь ли ты Джиму? Вы ровесники, а он уже сержант.

— Да, но он вышел из тюрьмы на год раньше меня.

●

— Что ты так вырядился? Выиграл на скачках?

— Наоборот. Перестал играть.

●

Скупой шотландец решил отправиться в Америку, но самым дешевым образом. Наконец он нашел капитана, который согласился перевезти его через Атлантический океан без места в каюте.

Прибыв в нью-йоркский порт, шотландец заметил водолаза, выходящего из воды на берег, и возмущенно заявил капитану:

— Верните мне деньги за проезд! Вы мне не сказали, что до Америки можно добраться пешком по дну.

●

— Доктор, у меня, по-видимому, очень странная болезнь?

— Почему вы так думаете?

— Ну как же! Вы проверяете пульс у меня, а держите руку моей дочери.

●

— Господин судья, я настаиваю на разводе. Мы с супругой не понимаем друг друга.

— А вы не пробовали обращаться к переводчику?

«Рир» (Франция)

УЛЫБКИ РАЗНЫХ ШИРОТ

КРОКОДИЛ

№ 15 (1989)

ИЗДАЕТСЯ С ИЮНЯ 1922 ГОДА

ИЗДАНИЕ ГАЗЕТЫ «ПРАВДА»

журнал выходит три раза в месяц

Темы рисунков этого номера придумали: Д. Агаев, М. Битный, М. Вайсборд, О. Ведерников, А. Грунин, Е. Гуров, Г. Иорш, Н. Корягин, Л. Немировский, Ю. Узбяков, А. Чинарьков, В. Шкарбан, Н. Щербаков.

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

Технический редактор
А. В. КОТЕЛЬНИКОВА

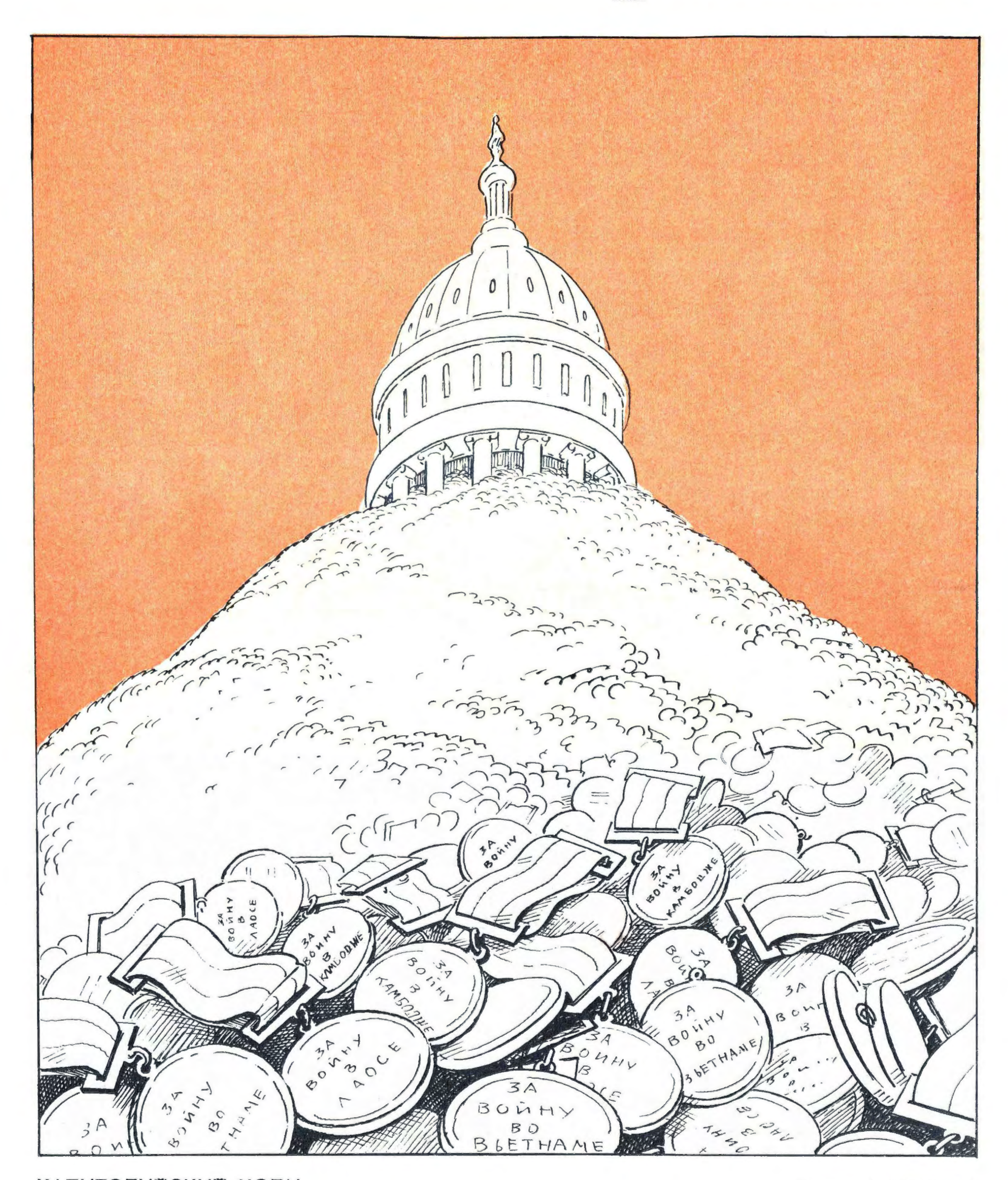
Рукописи не возвращаются.

Сдано в набор 11/V 1971 г. А 00902. Подписано к печати 19 V 1971 г. Формат бумаги 70×108⅛. Объем 2,80 усл. печ. л. 4,54 уч.-изд. л. Фотоформы изготовлены в ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типографии газеты «Правда» имени В. И. Ленина, Москва, А-47, ул. Правды, 24. Отпечатано в ордена Ленина комбинате печати издательства «Радянська Україна», г. Киев, Брест-Литовский проспект, 94. Тираж 5.000.000 (2 завод: 3.640.101 — 4.133.800). Заказ № 03048.

Отсканировал ЛЕБЕДЕВ А.В.

Цена номера 15 коп.
Индекс 70448

Во время недавних массовых антивоенных демонстраций сотни американских ветеранов войны в Индокитае в знак протеста бросили свои ордена и медали на ступени Капитолия.

КАПИТОЛИЙСКИЙ ХОЛМ

Рисунок А. КРЫЛОВА